

ОКСАНА ЖИРСАНОВА

18+

СТРАННИЦА
ЧЕРНЫЙ ДРАКОН

Оксана Кирсанова
Страница. Черный дракон

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Кирсанова О. В.

Страница. Черный дракон / О. В. Кирсанова — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Ксения, неуверенная в себе девушка, предпочитает не решать проблемы, а избегать их. Случайно попав в чужой мир, тысячу лет живущий в страхе перед пробуждением чудовища, она решает во что бы то ни стало вернуться домой, к привычной жизни. Вот только для этого придется исполнить древнее пророчество – сразиться с Черным драконом, пока он не вырвался из заточения и не разрушил мир. Но почему в Полевии ждали именно Ксению? Справится ли она? Ответ кроется в самом ее имени – чужеземка, гостя...
Страница.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Кошмары и прелести отпуска	7
Глава 2. Старый королевский лес	20
Глава 3. Семья лесника	33
Глава 4. Пламя на кончиках пальцев	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

*...Двинет фигуру – не дрогнет рука:
В сумерках канет преданный щит –
Стая останется без вожака.
Молния храброе сердце пронзит.
Многие войны лягут в боях,
Истину дети успеют забыть.
Вместо богов, сея хаос и страх,
Големы станут судьбы вершить...*

*Хроники Спящих
глава от Виреля (утрачено)*

Пролог

Песчинки стремительно текли сквозь узкую горловину песочных часов. С тихим шорохом обгоняли друг друга, спеша поведать завершившим путь сестрам, что ждать осталось недолго: их становилось все меньше и меньше. И пора уже было привратнику приглядеть за часами, чтоб не пропустить момент, перевернуть, начать отсчет следующего столетия мира – как бывало не раз.

Привратник почему-то задерживался. Песчинки обеспокоено шуришали, словно шептали: «Поспеши, поспеши, поспеши...». И уже слышался металлический скрежет тяжелого чешуйчатого тела, все чаще доносились из-за двери жутковатые звуки скребущих по камню когтей... Казалось, запертое в пещере чудовище знало: стоит последней песчинке упасть и время покоя закончится.

Привратник спал, убаюканный песнями ветров над снегами гор. Он не слышал предупреждения песчинок, не слышал, как ворочается в темнице зло. Не видел крадущейся тени на пороге привратничьей.

Тихо скрипнула дверь. Мягким, бесшумным шагом тень скользнула в теплую комнатушку. Сверкнул нож в мягком сиянии свечи и ударил в спину спящего. Привратник даже не вскрикнул...

...Встревоженный взгляд оторвался от бега песчинок, пробежал по черным камням, метнулся к мертвой привратничьей. Связанная с часами сжалась в дрожащий комочек, словно в предчувствии знакомой боли, и вдруг поняла, что все закончилось: убийца сделал свое дело. Обратной дороги быть не могло.

Бледные губы дрогнули, шепча бесполезную просьбу прощения, и ветер подхватил тихий голос, взметнулся ввысь, унося на призрачных крыльях Зов. Она верила, что сумеет вырваться из ловушки. Спустя тысячу лет все должно было закончиться.

...Песчинки продолжали свой путь, их становилось все меньше и меньше.

Глава 1. Кошмары и прелести отпуска

*или не спеши, а то успеешь
Тьма – быть в ней – опасность.*

Украинский сонник

Тьма. Она клубится вокруг меня, опутывает липкими щупальцами... Качаются темные волны... Моя сущность двигается вместе с ними, с мрачными мелодиями, что тревожно звенят в бесконечной дали. И в то же время страшное спокойствие, отсутствие жизни – невозможность пошевелить ни рукой, ни ногой. Чернота схватила меня, не отпускает, увлекает в призрачные сумерки сознания. Ни капли света, ни лучика... Глаза не могут рассмотреть что-либо в крошечной тьме.

Чувствую, как возле меня возникает некто. Он огромен, рядом с ним я похожа на жалкую пылинку, что незримой точкой кружится под черными ветрами. Холодное дыхание пронизывает меня... Чей-то яростный взгляд прожигает онемевшее от страха тело, стремясь заглянуть в самую душу. Желание увидеть, только оно позволяет рассмотреть громадные чешуйки, поблескивающие сквозь клубы мглы. Длинное тело кажется бесконечным, оно обвивается вокруг, надвигается, и я задыхаюсь от осознания его невероятной тяжести...

Где я? Словно в другом мире, странном, совершенно не похожем на бетонные джунгли... И этот печальный голос, на грани слышимости: «Приди...»

– Эй, Ксю, проснись!

Пробуждение напоминало отчаянный рывок из темной, засасывающей глубины к далекому свету. Мучительный кошмар неохотно выпустил сознание. Я болезненно поморщилась и открыла глаза, заморгала, ослепленная ярким светом, льющимся в окно. Надо мною склонялась Инка, трясла за плечи, щекоча лицо медно-рыжими прядями.

– Ну, наконец-то! – облегченно выдохнула она и сочувственно улыбнулась.

– Что случилось? – я завозилась в постели, борясь с неприятным оцепенением, сковавшим тело.

– Да кричала ты, вот что! – воскликнула Инка, пряча тревогу за показным раздражением. – Что, опять кошмар приснился?

Я нахмурилась, бесполезно пытаясь поймать ускользающие обрывки сновидения.

– Не помню... А что кричала-то?

Инка присела на краешек кровати, тщательно разгладила на коленях юбку, и уже спокойно ответила:

– Да чушь какую-то несла... Слушай, Ксю, может тебе все-таки успокоительного на ночь попить, а? Ты меня своими криками уже пугаешь.

– Ой, к черту успокоительное, – проворчала я, сворачиваясь клубком. – Вот съезжу к родителям, подышу свежим воздухом, отдохну, и все пройдет.

– Счастливая. Мне до отпуска еще полтора месяца пахать, – с легкой завистью вздохнула Инка и, взглянув на часы, затараторила. – Все, Ксю, я побежала – опаздываю! Хорошего тебе отдыха, кушай фрукты, дыши свежим воздухом, в общем – оторвись там за обеих. Кстати, чайник горячий, и я кашу сварила, правильную, не то, что твои эмульгаторы с красителями из пакетика. Разогревай и ешь. Целую!

– А ты куда в такую рань? Выходной же, – удивленно спросила я, разглядывая в полумраке прихожей обувающую босоножки подругу.

– А у меня важная встреча, – хитро подмигнула Инка, не собираясь вдаваться в подробности. Да в них и не было нужды, я и так знала, куда она спешит: последние дни Инка порхала по квартире в блаженном предвкушении скорого предложения. Видимо сегодня оно и случится, знаменательное событие в Инкиной жизни.

Хлопнула дверь. По лестнице, удаляясь, процокали каблочки, и я осталась одна. В наступившей тишине, если к городской квартире вообще применимо слово тишина, слышно было тихое капание подтекающего в кухне крана. Электронные часы показывали десять утра, значит, можно еще поспать. Или встать? Все равно ведь уже не усну.

Желание еще немного поваляться победило, я вытянулась в постели и попыталась собраться с мыслями.

Что же мне все-таки снилось? Не помню. Только смятая подушка, да чуть влажная простыня, противная на ощупь, безмолвно подтверждали, что сновидение было, мягко сказать, не из приятных. Опять приснилось что-то кошмарное, но вот что – хоть убей, не помню. В памяти сохранились лишь невнятные обрывки: странные башенки на сером горизонте, горные пики под снежными шапками, в небе что-то сверкает и пульсирует, а затем наступает чернота. Кольшется, как живая. И голос, тихий, печальный, будто одинокая свирель, зовет куда-то...

Я села в постели, тряхнула головой, изгоняя навязчивый шепоток, и испуганно подскочила от пронзительной трели мобильного.

– Иди ты... – опознав вызывающего, буркнула я и в сердцах отбросила телефон. – Тебя-то мне как раз и не хватало, с утра пораньше.

Звонил Ванечка, мой приятель, с недавних пор решивший сменить статус с приятельского на нечто более интимное. Крайне удивленная сменой Ванечкиного настроения, я старалась не обращать внимания на его намеки и ухаживания, давая понять, что он симпатичен мне только как друг. Тогда Ванечка задал откровенный вопрос в лоб, добившись прямо противоположного результата: я стала его избегать и серьезно задумалась над возможностью дружбы между мужчиной и женщиной. Попытки с ним объясниться ни к чему не приводили. В конце концов, придя к выводу, что Ванечка оказался из того разряда мужчин, которые слово «нет» понимают как «да», я окончательно решила поставить точку в этой истории.

Телефон не унимался, видимо, Ванечка задался целью взять неприступную цитадель измором. Задорные «Валенки», в другой раз вызывающие довольную улыбку, сейчас действовали на нервы. Инка еще вчера посоветовала внести его номер в черный список, мол, пусть хоть обзвонится. Я с нею согласилась, а вот сделать забыла. За что и поплатилась. «Валенки» то замолкали, как механическая игрушка, в которой закончился завод, то снова набирали силу, словно игрушку реанимировали, повернув ключик. В конце концов, доведенная до белого каления, я схватила телефон и с силой нажала на кнопку отбоя, жалея, что под пальцами не Ванечкина шея.

Да уж, как говорится, утро удалось. Кошмар все еще царапал сердце острыми коготками невнятной опасности, еще и этот телефонный звонок. Хоть бы вечер не подкачал, удружил попутчиками, с которыми можно будет в картишки перекинуться.

Удрученно вздохнув, я выбралась из-под простыни, прошлепала к открытой двери балкона, шурясь на яркие блики отраженных окнами солнечных лучей, и оглядела шумную улицу. Даже выходной день не разгрузил московские дороги. Спешащие по своим делам, конечно, архи срочным, водители не желали уступать друг другу, тем более пешеходам, норовящим перебежать улицу в неположенных местах. Да и зебры упорно игнорировались. Истеричные звонки запертых в пробке трамваев, сердитые сигналы автомобилей, вой карет скорой помощи – ежедневная расплата за мой выбор места жительства. Впрочем, на то, чтобы терпеть городской шум у меня были веские причины.

Совершив обязательный ритуал чистки зубов и задумчиво постояв под упругими струями душа, я завернулась в полотенце и пошла пить кофе. Растворимый. Не потому, что лень

варить, просто не умею. Вечно пропускаю момент, когда он закипает и заливает плиту. Что поделать, к своим неполным двадцати четырем годам я так и не научилась готовить, довольствуюсь полуфабрикатами и бутербродами с колбасой. Чай пью исключительно пакетированный, зато с молоком и без сахара. Как и кофе. И если бы не Инка, помешанная на правильном питании и диетах, глотала бы сейчас те самые эмульгаторы с красителями, то есть кашку из пакетика.

Инка, моя подруга и соседка по квартире, вообще не одобряет фастфуд, считая все эти ролтоны и дошираки врагом номер один для желудка и подтянутой фигуры. Я с нею не спорила, лишь послушно кивала в ответ на очередную попытку воззвать к моему здравому смыслу. И продолжала с аппетитом уминать лапшу и картошку быстрого приготовления, удивляя подругу неизменной стройностью. Ну, что сказать в свое оправдание? Фитнес, танцы, ролики, иногда – утренние пробежки успешно помогали бороться с лишними калориями. Впрочем, располнеть мне и без всего этого не грозило, даже если начать усиленно налегать на шоколад и тортики – комплекция такая, не в коня корм, как говорится.

Каша выглядела подозрительно, на вкус вообще оказалась несъедобной. Инка, наверное, очень спешила и забыла ее посолить. Или не сделала этого специально: вчера все уши прожужжала, рассказывая о вреде соли и какой-то новой, очищающей диете, по которой первые три дня положено есть пресную рисовую кашу.

– Фу, гадость, – скривилась я, выплюнув диетический продукт в мусорное ведро.

Уверяя себя, что совсем не голодна и вполне обойдусь чашкой кофе, я отодвинула тарелку подальше и закурила. Да, это вредно, особенно натошак, но так тяжело отказывать себе в маленьком удовольствии! Может, после отпуска соберусь с духом и брошу.

Отпуск начинался с сегодняшнего дня, и проведу я его у родителей. Впереди месяц ничегонеделания, встречи со старыми друзьями и одноклассниками. Месяц тишины и покоя – то, что нужно после городского шума и суеты.

Мои родители живут в Ростовской области, в маленькой станице, потихоньку умирающей после развала союза. Удрал оттуда в Москву около трех лет назад, я устроилась работать менеджером по продажам в небольшую фирму, торгующую бытовым пластиком. Первое время жила у бабки, отцовой тетки, молодящейся старушенции, требующей называть ее только по имени. Правда, жить с нею в одной квартире оказалось тем еще испытанием – бабка питала нежную любовь к «беленькой», и подшофе была способна заговорить до смерти. Поначалу я терпела, потом стала захлопывать перед бабкиным носом дверь в свою комнату, чем невероятно ее оскорбляла. Видя, что воспитуемое чадо не желает поддерживать беседу и тем более бежать за добавкой в ближайший магазин, бабка включала телевизор, и начиналась самая потеха: не стесняясь в выражениях, старая «большая» женщина перемывала кости всем, кто имел счастье засветиться на экране. Доставалось и политикам, и актерам. Политикам особенно. Приемы «лекарства» чередовались с недолгими периодами трезвости, и в такие дни я была готова сбежать куда угодно, хоть к черту на кулички, лишь бы не слушать раздраженного бабкиного ворчания, способного и святого из себя вывести. На роль святого я не претендовала и удрала от бабы Любы при первой же возможности. Бабуля искренне не понимала, почему ее заботе я предпочла съемную квартиру. Мне же просто совесть не позволяла даже намекнуть, что терпеть не могу ее пьяные разговоры «за жизнь» и попытки воспитать во мне уважение к старой больной женщине, принимающей «Столичную» в качестве лекарства.

Сигарета, дотлев, обожгла пальцы. Почему это мне вдруг вспомнилась баба Люба? Наверное, потому, что она была здесь первым человеком, по-своему заботившимся обо мне. Тряхнув головой, я улыбнулась, напомнила себе, что долгожданный отпуск начался, и лучше думать о приятном, чем вспоминать о бабкиных заскоках.

Итак, отпуск начался. Билет был куплен давно, чемодан упакован неделю назад. На всякий случай, я его распаковала и еще раз проверила, все ли взяла. По вполне понятным при-

чинам, вышла из дома за полтора часа до отправления поезда. Не спеша, подавляя непреодолимое желание припустить бегом, дошла до метро, встретившее меня «приветливой» толпой «ароматных» «граждан пассажиров». Духота мгновенно облепила тело влажной вонючей тряпкой, заставив брезгливо поморщиться. Прислонясь к поручню и мельком взглянув на сонных пассажиров с усталым или равнодушным выражением на бледных лицах, я погрузилась в размышления.

Странные сны мне снились всегда. Иногда нечто феерично-яркое, сказочное: лазурные башни, возносящиеся в густо-синее, звездное небо, или ночные радуги, по которым я шла к этим башням, не проваливаясь, как бывает только во сне. Но чаще – какая-то бессмыслица, оставляющая мерзкий привкус ужаса на языке. За неделю до отпуска мои сны превратились в один сплошной кошмар, которому я не могла найти объяснения. Происходящее не столько пугало, сколько злило и раздражало. Ладно бы раз-другой, но не еженощно же видеть во сне одно и то же, с незначительными вариациями?! К чему бы это? Инка настаивала на успокоительных, списывая мои кошмары на усталость и тоску по дому, я лишь отмахивалась, собираясь почитать сонник Миллера. Собираться-то собиралась, да так и не собралась, а тем временем жуткая тьма, таящая в себе необъяснимую угрозу, терпеливо ждала ночи.

Казанский вокзал – мой любимейший вокзал в мире, потому что именно с него отправляется поезд, которым я обычно езжу к родителям. Время, словно прищипоренная лошадь, мчится к тому мгновению, когда я устроюсь у окна, и буду смотреть, как проносятся мимо маленькие поселки и города, луга, поля, перелески. В путешествиях на поездах есть своя прелесть и романтика, тем более, когда знаешь, что в конце пути ждут родные люди, ждут всегда, в любое время дня и ночи.

Вокзал как всегда бурлил: поезда отправлялись и прибывали, люди встречали и провожали своих близких (и не очень), целовались, обнимались, пожимали руки. Грузчики в замызанной униформе толкали перед собой низкие тележки, перевоза багаж пассажиров, не желающих утруждать себя перетаскиванием тяжелых сумок и чемоданов. Таксисты-частники, окидывая цепкими взглядами прибывших, предлагали избавление от выматывающего нервы путешествия в переполненном общественном транспорте. В толпе юркими щурятами лавировали оборванные цыганята, выпрашивая мелочь. Прохаживались наряды милиции, высматривая «подозрительных лиц».

Отыскав свой вагон, я подхватила чемодан за ручку и встала в маленькую очередь, терпеливо дожидаясь пока какой-то пассажир, тащивший на себе кучу коробок и сумок, доберется к отведенному месту и освободит проход.

«Вот за что люблю плацкарт, так это за дешевизну билетов. Больше его любить не за что», – брезгливо поморщилась я, проходя мимо кабинки туалета.

Вагон приглушенно гудел, как потревоженный улей. Моими соседями по купе оказались милая старушка с внуком-подростком и молодая женщина, говорившая по мобильному телефону. За пятнадцать минут до отправления поезда она успела позвонить пяти своим подругам и в подробностях рассказать каждой, какой редкой сволочью оказался ее кавалер – не пошел провожать, сославшись на очередной футбольный матч. Я ей молча посочувствовала. Бабулька тихонько возилась со своими котомками, выкладывая на столик продукты. Ее внук почти сразу забрался на верхнюю полку и уткнулся в маленький монитор какой-то игрушки, азартно давя на кнопки и досадливо вздыхая, когда проигрывал. В общем, соседи подобались не слишком общительные, в картишки перекинуться будет не с кем. Ну и ладно, почитаю в свое удовольствие.

Наконец, поезд тронулся. Бутылки с напитками, рядом выставленные на столике, судорожно дернулись и зашатались, грозя рухнуть и придавить бабушкин ужин. Я прилипла к окну, за которым медленно плыл вокзал: мы наконец-то отправлялись. Забегали проводницы, про-

веряя билеты и раздавая белье. Прошла официантка из вагона-ресторана, предлагая напитки и шоколад по цене в два раза выше даже вокзальных. Мужчины, что ехали в соседнем купе, отоварились пивом.

Постепенно суета улеглась. Женщина, наговорившись по телефону, стала устраиваться на верхней полке. Пассажиры доставали из сумок продукты, ужинали. За окном плыл огромный багровый шар солнца, неспешно опускаясь за горизонт. Загорались первые робкие звезды. Включили свет, в проходе и приглушенный – чтобы не мешал засыпающим. Кое-откуда уже слышался раскатистый храп. Я с сожалением закрыла книгу – в сумерках особо не считаешь, а спать пока не хотелось – и вышла в тамбур на перекур.

Тамбур напоминал овощ из загадки или пресловутую бочку, куда набилось сельди под завязку. В крохотном помещении клубился сизый дым, лениво вытекая в открытую нарасташку лобовую дверь. Курящие немного потеснились, давая пристроиться у стеночки. Худой, как щепка дядька, с пышными, пожелтевшими от табака усами шелкнул передо мной зажигалкой, наставительно прокомментировав, что такой молодой барышне не стоит портить красоту и здоровье, ведь рожать еще предстоит. Я привычно отшутилась, пропустив мимо ушей фразу о будущем материнстве: уж что-то, а обзаводиться потомством в мои планы пока не входило. Дядька виновато улыбнулся и миролюбиво заметил, что хотел как лучше, у самого дочка моего возраста. Ну, как обычно, попытка наставить на путь истинный. Как будто мне родительских наставлений мало.

Отгорели последние проблески заката. Над землей, приняв эстафету дня, величаво всплыла луна, посеребрив проносющийся за окном мир. Я клевала носом, упрямо борясь со сном, и с легкой завистью прислушивалась к сонному дыханию соседей: счастливые, наверняка им снилось что-то безобидное. Не то, что мне.

Сон подкрался тихо, будто кот на мягких лапах, клубком свернулся в изголовье, смежил веки. Я даже не заметила, как уснула.

Страх. Снова страх, уже привычный. Опутывает тело холодными, липкими щупальцами.

«Ксения... Бояться нельзя... Бояться – верная смерть...»

«Нельзя бояться...»

«Нельзя...»

...бояться...

...поддаться страху...

...значит, проиграть...»

Тихие слова, повторяющие мои мысли, не помогают справиться с ужасом, от которого противно сосет под ложечкой. Раньше я никогда не боялась темноты. Никогда... Теперь все изменилось.

Тьма, удушающая, лишающая воли, и чей-то пристальный взгляд, проникающий в самую душу. Едва уловимо кольшется густой, как черная патока, воздух. Испуганно оглядываюсь, но не успеваю увидеть кого-то, кто медленно, словно что-то выжидая, подбирается ближе и ближе...

Леденящая волна злобы пустила по коже колючие мурашки.

Нельзя бояться...

«Что я сделала тебе? Почему ты преследуешь меня?!.»

Глухое рычание в ответ, стремительное движение и...

Задыхаясь от ужаса, я резко села и едва не свалилась с полки. Огляделась, не сразу сообразив, где нахожусь. Поезд. Постукивают колеса на стыках рельсов. За окном ночь. В проходе горит дежурный свет, слышно сонное дыхание пассажиров. Я еду домой, к родителям.

И мне снова приснился кошмар.

Цепляясь за поручни, я поплелась в тамбур. Тело тряслось мелкой противной дрожью, словно то, что приснилось, успело, чиркнуло по сердцу когтистыми лапами.

Ввалившись в крошечный туалет, я умылась и уставилась на свое отражение в забрызганном зеркале: бледное, осунувшееся лицо, расширенные зрачки почти полностью поглотили зеленую радужку, и глаза кажутся такими же черными, как та тьма, что мне снилась.

– Это сон, это только сон... Вот дрянь! Приснится же такое... – зябко потирая плечи, пробормотала я и вышла в тамбур. – Хорошо, хоть не заорала, весь поезд поставила бы на уши.

Закурила, с опаской поглядывая в темноту за окном. Сон все не отпускал, смешался с тенями, притаился, прячась в них, и слабый свет тусклой лампочки не в силах был его прогнать. Казалось, явь стала неотделимой от кошмара, и тварь из мрака только и ждет удобного момента, чтобы завершить начатое.

Пронзительный рев сигнала идущего навстречу поезда заставил меня подпрыгнуть чуть ли не до потолка. Зажигалка выпрыгнула из дрожащих пальцев и, подскакивая, откатилась к двери. С трудом подавив испуганный вопль, я бросилась ее поднимать.

«Да уж... – мрачно размышляла я. – Права Инка, пора начинать пить валерьянку...»

Резкий звук привел меня в чувство. В душе поднялась волна раздражения на все надуманные страхи. Я будто окончательно проснулась, вырвалась из липкой паутины страха. Сон потерял надо мной всякую власть, но надолго ли? До рассвета еще далеко, и кто знает, не повторится ли он снова? Дважды за одну ночь – это уже перебор, никакие нервы не выдержат.

Вернувшись на место, я долго лежала с открытыми глазами, боясь засыпать, и мрачно размышляла, слушая перестук колес: «Что за черт? Опять тот же сон, к чему бы? Что за тварь мне снится?..»

Как ни напрягалась, а вспомнить, кто таился во мраке, я так и не смогла.

Мои родители, как и все нормальные родители, борются с моей вредной привычкой всеми силами. Но их сил, видимо, не достаточно, потому что я всегда побеждаю их в спорах, касающихся курения. Вот и сейчас, расцеловавшись с отцом и передав ему чемодан, я полезла за сигаретами, игнорируя недовольный взгляд. Ну, что поделать, не готова я бросить курить вот так, без причины! Тем более, когда такое табачное изобилие вокруг.

– Все травмишься, – поморщился отец, укладывая чемодан в багажник.

– Угу.

– Что – угу? Ты же девушка, от тебя духами пахнуть должно, а не табачищем разить за километр! Бросай уже!

– Обязательно, – послушно кивнула я, забираясь в машину. – Брошу, причем в самое ближайшее время.

И улыбнулась, невинно хлопая ресницами. Отец, неодобрительно качая головой, только вздохнул и включил зажигание. Маленькая битва в борьбе с табакокурением снова окончилась в мою пользу.

Прилипнув носом к автомобильному окну, я жадно рассматривала проплывающие мимо выцветшие заборы, за которыми прятались яблоневые и вишневые сады. Вдалеке мелькнула потемневшая от времени шиферная крыша клуба. Стайка загорелых ребяташек, оседлав забор, с любопытством рассматривала проезжающую машину. Здесь ничто не изменилось, и для детворы до сих пор единственными забавами остаются игра в казаки-разбойники, футбол на вытопанной до пыли полянке перед старым зданием клуба, да лазанье по соседским садам, когда в них созревают яблоки. Я улыбнулась, вспомнив, что и сама с удовольствием гоняла с соседскими мальчишками в футбол, лазала по заборам и деревьям, ничуть не уступая им в ловкости. Вспомнила, как ругалась до смерти перепуганная мама, поймав меня на крыше соседского сарая, куда я забралась, чтобы дотянуться до самых сочных, вызревших вишен. Краса-

вицы куклы и пухлощекые пупсы напрасно ждали свою хозяйку: им я предпочитала подвижные игры.

Дома ждала мама и накрытый по случаю моего прибытия праздничный стол. В общем-то, стол как стол, ничем особенным не отличался, просто на нем выставлено все самое вкусненькое, то, что я больше всего люблю. Начались расспросы о работе, хватает ли мне средств, и не хочу ли я обратно, под мамкино с папкой крыло. Как это обычно и бывает с любящими родителями – зондирование почвы перед атакой. Атака последовала сразу, стоило неосторожно посетовать на дороговизну жилья в Москве. Начались уговоры вернуться домой, что и тут мы неплохо живем. Не хуже других во всяком случае. Я удрученно вздохнула, не зная, как перевести разговор в безопасное русло. Возвращаться домой никак не входило в мои планы, но признаваться родителям в том, что сбежала из родной станицы не в поисках лучшей доли и уж подавно и не с целью удачно выйти замуж, я тем более не собиралась.

Стоило подумать о своем холостяцком положении, как родители и этот пункт подробно и всесторонне осветили, пытаясь убедить меня вернуться на историческую родину, к корням. Внуков им, видите ли, понянчить хочется!

– Годы-то прибавляются, а ты все в девках...

– И в тридцать замуж выходят, а мне еще и двадцати четырех не исполнилось, так что успею, – решительно перебила я маму и нахмурилась, прекрасно понимая, к чему идет разговор.

Мама обиженно поджала губы и ненадолго замолчала. Переглянулась с отцом и укоризненно спросила, подтвердив мои опасения:

– Может, хватит уже от Митьки прятаться? Ведь со школьной скамьи парень по тебе сохнет!

– Да хоть с детского сада! Не нравится он мне, понимаешь? Не нравит-ся! – мгновенно ошетинившись, по слогам повторила я.

– О господи, да чем же он тебе не угодил? – искренне недоумевая, воскликнул отец.

– Да всем.

– Ну, а конкретно?

– Пап, как ты не понимаешь? Всем, значит, всем!

– А если хорошенько подумать? Хороший парень, ни кривой, ни косой, работающий...

– Да что ж такое-то? – возмутилась я, потеряв терпение. – Не успела приехать – здарсьте вам, пожалуйста замуж!

Повисшую неловкую паузу прервал требовательный кошачий мяв.

– Тьфу, ты, прорва ненасытная! – выругался отец.

– Все равно, Митя парень хороший, – продолжая настаивать на своем, проворчала мама. –

Спрашивал тут недавно, где ты сейчас...

– Надеюсь, ты ему не сказала? – похолодев, настороженно спросила я.

– Нет, а надо было!

– Мама!

– Что – мама? Такой парень, видный, серьезный! Работает у фермера, Коли Волкова, зарабатывает прилично. Участок купил, дом строить собирается, потом жениться. Вот партия!

– Мам, а почему ты меня Коле не сосватаешь? Что ж так – работнику фермера? Может, я за самого фермера не прочь выйти, – усмехнулась я.

– Так Коля уже женат! – живо отозвалась она, обрадованная возможностью пересказать мне станичные новости. – И дети есть, двойняшки, в прошлом году родила Даша. Ты ее знаешь, она в параллельном классе училась.

– Знаю. На качелях качались летом, пока их не закрыли и не раскурочили. Жалко качели, единственная радость детворе во всей станице была, и той лишили, – поддакнула я, хватаясь за

возможность прекратить неприятный разговор. – А, еще пляж разбомбили, когда газ тянули, помнишь? Мы туда по вечерам купаться ходили, когда вы с папкой с работы возвращались.

– Да, пляж хороший был, дно песчаное, чистое, – вздохнул отец, спихивая вспрыгнувшую на колени кошку. – Я там как-то мыло утопил. Ловить пытался, да куда там, скользкое же.

– А помнишь, как ты меня на спине катал? Так здорово было!

– Так ты маленькая была, сейчас уже не покатаешь – вымахала девица выше мамы с папой! – засмеялся отец.

– Да ладно! Мне до тебя еще расти и расти, – улыбнулась я и облегченно перевела дух. Похоже, опасность миновала: родители на какое-то время забыли о внуках и Митьке, чтоб ему провалиться!

Что касается роста, тут я удалась ни в отца и ни в мать – нормальный средний рост. Косяки, в отличие от отца, головой не задеваю. А вот мама у меня маленькая и пухленькая, не зря ее отец булочкой всю жизнь называет. Она и пироги печет такие, что язык проглотить можно, такая вкусотища. Мама вообще вкусно готовит, я в этом отношении (и, видимо, не только в этом) совсем не в нее пошла. Яичница единственное блюдо, что мне удавалось состряпать, не устроив пожара. Увы, на большее, как оказалось, я не способна. Мама очень даже в курсе отсутствия у дочери кулинарного таланта, и всегда страшно переживает по поводу того, чем я питаюсь, живя вне отчего дома. Вот и сейчас, подкладывая очередной фаршированный перчик, она парирует мои протесты:

– Ешь, опять ребра с позвоночником торчат! Не девушка, а скелет ходячий!

– Ем, – с набитым ртом ответила я и попыталась потихоньку скормить кошке заботливо подложенный кусок курицы. Но мама, бдительно следящая за каждым отправленным в рот куском, поймала меня за этим преступлением, кусок был перехвачен у самой кошачьей морды и положен обратно в тарелку.

– Мама! В меня уже не лезет, куда ты еще курицу подкладываешь?

– А ты штаны расстегни, чтоб помещалось, а то утянулась вся, как в корсет! – усмехнулся отец, неодобрительно разглядывая мою одежду.

– Нормальные штаны, – поправив тесные брючки, возразила я, понимая, что пора сбегать из дома к знакомым и друзьям, иначе закормят насмерть.

– Спасибо, ма, па! Я к Ленке сбегая, проведу. Ее Никитос, наверное, уже ходить начал, хочу посмотреть на его первые шаги, – протараторила я, поспешно выходя из-за стола.

– Ну вот, опять пять минут с родителями посидела, толком не поела, и к друзьям сбегает, – проворчала мама, недовольно сводя брови к тонкой переносице.

Я улыбнулась, обняла ее и поцеловала в макушку.

– Мам, я постараюсь прийти домой до того как вы ляжете спать, чай попьем, поболтаем о том, о сем.

– Так мы тебе и поверили, – недоверчиво покачал головой отец, накрыв ладонью мамину руку, нервно мнущую салфетку.

Заметив этот жест, я невольно улыбнулась, испытывая щемящее чувство нежности к ним обоим: ведь они женаты около двадцати пяти лет, и бывало всякое, а вот смогли, сохранили свою любовь. Может и мне однажды повезет встретить того, кому не страшно будет довериться? Поймав себя на этой мысли, я поморщилась и упрямо тряхнула головой. Нет, я не имела ничего против серьезных отношений, просто пока не была готова связать себя узами брака. Успеется еще. Сначала мир посмотреть надо, найти свое место под солнцем, а там... Там видно будет.

Моя подруга, еще со школьной скамьи, Ленка, жила в другом конце станицы. Пока я туда дотопала, мои белые кроссовки покрылись толстым слоем серой пыли. По опыту я знала, что отмыть ее будет очень сложно. Если вообще возможно. Хана обувке.

Ленка встретила меня радостным визгом, повисла на шее, расцеловала в щеки, сыпля вопросами, на которые я не успевала отвечать.

– Ну-ка, ну-ка, покажись, – крутя меня из стороны в сторону, восхищенно улыбалась Ленка. – Ой, ну, красотка! Держись, станица – столичная штучка приехала! А что это ты с волосами сделала? Где твои дивные локоны?

– Разгладила, – польщено засмеялась я, с удовольствием проводя по волосам рукой. – Надоело это уродство.

– Ну и зря. Тут кучу средств тратишь, химией волосы жжешь, чтобы волосы не лежали прилизанной паклей, а ты природную красоту уродством считаешь.

– А давай махнемся? – подмигнула я. – Тебе мои кудряшки, мне – твои гладкие.

– Шутница, – хмыкнула Ленка и замерла, прислушиваясь. – Кажется, моему чаду наскучило самостоятельно себя развлекать.

На пороге с громким ревом показался ее годовалый сынишка Никита, тот самый Никитос, чьи первые шаги стали предлогом к побегу из отчего дома. Малыш, брошенный в комнате в полном одиночестве среди игрушек, нашел самый действенный способ обратить на себя внимание – орал как сирена, прерываясь только чтобы вдохнуть. Ленка подхватила его на руки, заворковала, приговаривая, что мужчины не плачут, а он ведь маленький мужчина. Я только улыбнулась на эти увещевания. Плачут мужчины, еще как плачут. Надо только знать на какую мозоль давить, чтобы увидеть скупые мужские слезы. Правда, сама я никогда не экспериментировала, это у моей соседки по квартире, Инки, просто талант доводить своих ухажеров до истерического состояния со всеми вытекающими.

Постепенно Никитос успокоился, обратил внимание на гостью, и я протянула к нему руки, предлагая оставить мамкины объятия и пойти на ручки к тете. Он улыбнулся, демонстрируя четыре зуба, и потянулся ко мне.

Малыш оказался тяжеленьким. Я охнула, приседая, и перехватила его поудобней.

– Да-да, тетя Ксюша, кушаем мы хорошо, – засмеялась подруга, жестом предлагая войти в дом. – Ты как обычно, на пару недель и снова удерешь?

– На месяц, – пропыхтела я, поднимаясь по ступенькам. – Если выдержу, конечно.

– Угу, – хитро улыбнулась подруга, ставя чайник на плиту. – Митька, кстати, все еще свободен, но надолго ли? Свято место пусто не бывает, гляди, уведут.

– Ой, да на здоровье, вздохну с облегчением! Хоть домой буду приезжать без страха на него напороться, – поморщилась я, чувствуя, как стремительно портится настроение.

– Значит, так и не передумала?

– И ты туда же? – иронично взглянув на подругу, усмехнулась я. – Мне родители битый час его нахваливали, теперь ты!

– Ладно, не кипятись, – примирительно заговорила Ленка. – Ты бы хоть посмотрела, от чего отказываешься. Сколько лет вы не виделись?

– Какая разница, Лен, сколько лет мы не виделись? Вряд ли теперь я что-то новое для себя открою. Может, он и возмужал, а вот повзрослел – вряд ли. Что-то мне подсказывает, что Митька ничего не забыл и остался таким же прилипалой, каким был в школе.

– Ксюш, ты ведь всегда нравилась ему, и чувство, похоже, со временем лишь крепчает, – усмехнулась подруга. – Ты ведь его первая девушка, такое не забывают...

– Лен, не напоминай, а? – не выдержав, взорвалась я.

– Извини, извини, – забирая у меня хнычущего малыша, пробормотала подруга. – Я одного понять не могу: как тебя угораздило, ты же его терпеть не можешь?

– Лен, ну что ты пристала? Как да почему... Как будто сама не помнишь, как оно было: шампанского перебрала, расслабилась и... все.

– Угу... А поутру они проснулись, – кивнув, задумчиво процитировала Ленка. – Веселенький выпускной получился, есть, что вспомнить.

– Лен!

– Все, уже умолкаю! – поспешила заверить Ленка и, тут же нарушила обещание. – Ксюш, так может он чувствует себя обязанным? Ну, после всего случившегося?

– Лен, мне плевать, что он там чувствует! Достаточно того, что я так не чувствую и хочу, чтобы он обо всем забыл и оставил меня в покое.

– Хм... Ладно, забыли. Ты извини, я как лучше хотела.

– Да ерунда, – улыбнулась я. – Дай малыша-то подержать, я больше не буду орать, честно.

– И все-таки тебе домой вернуться надо, – передавая мне Никиту, заявила Ленка. – Ты какой-то дерганой стала, нервной. Я тебя такой и не видела никогда.

– Это от усталости, Лен, – оправдывалась я, чувствуя себя виноватой за вспышку раздражения. – Доработалась – кошмары уже снятся. Ничего, отдохну, и все пройдет.

– А хочешь, я на гуще тебе погадаю? Посмотрим, откуда у твоих кошмаров ноги растут, – с готовностью предложила Ленка, вскакивая с табурета.

– Ой, не надо! – поспешила отказаться я. – Опять сто дорог нагадаешь.

– Ну, как знаешь. Дважды предлагать не буду, – обиделась Ленка. – Посмотрели бы, судьба тебе за Митьку выйти или кто-то еще на горизонте появится.

– Ты опять? – засмеялась я.

– А что? Из наших ты одна еще не замужем, а пора бы!

– Лен, давай я как-нибудь сама решу, когда мне под венец пойти, хорошо? – улыбнулась я и, решив сменить щекотливую тему, поинтересовалась: – А где твой Женька, на сутках сегодня, что ли?

– Да, попросили подменить. Он через сутки неделю уже работает, – кивнула подруга. – У Тимохи, его сменщика, жена родила, вот и приходится подменять.

Тактический ход сработал как надо: Ленка мгновенно переключилась с моих проблем на свои, но тут же огорошила меня, заявив, что вечером мы пойдем на дискотеку.

– А Женька не будет против? – с сомнением глядя на подругу, спросила я.

– Пусть только попробует быть против, я ему живо припомню прошлогодний недельный загул! – недобро усмехнулась Ленка, подливая мне чаю. – С какой стати он должен быть против? Ко мне приехала подруга, которую я вижу от силы пару раз в году. С тобой можно!

Мы расхохотались. Никитос, напуганный нашим бурным проявлением эмоций, решил, что вел себя прилично достаточно долго, и разревелся. Ленка подхватила его из моих рук, засюсюкала, покачивая. И вовремя – малыш обмочил штанишки, а заодно и Ленкино платье, отомстив нам, бессердечным, за свой испуг.

К вечеру у Ленки собрались все наши подруги. Девчонки тараторили, перебивая друг друга, пересказывая мне последние станичные сплетни: кто женился, кто развелся, у кого дети родились, кого поймали на измене, причем с поличным. Самые свежие новости – телевидение отдыхает. Я не могла похвастаться какими-то сплетнями. Новостей, что их заинтересуют, у меня тоже не было, а потому просто слушала, удивляясь, откуда только берутся все эти пикантные подробности.

Незапланированный девичник плавно сменился вечерним гуляньем. Пришла тетя Таня, Ленкина мать, посидеть с Никитой. Девчонки, прихорашиваясь, крутились перед зеркалом. Я кое-как отмыла кроссовки, заранее зная, что пока доберусь до местного клуба, они снова покроются пылью. Ну что ж, я сделал все, чтобы выглядеть прилично.

Музыку, разрывающую ночную тишину, укрывшую станицу, было слышно за пару кварталов. По огороженной железной решеткой танцплощадке метались разноцветные лучи самодельной светомузыки, выхватывая из полумрака прыгающие фигуры парней и девчонок. Мы отоварились билетиками у юного парнишки-билетера и вошли внутрь. С площадки то и дело

выходили и снова заходили обратно, как он при такой текучке отслеживал обилеченных гостей, одному ему было известно. Может, знал каждого в лицо?

Из опасений напороться на Митьку я не спешила присоединиться к танцующим подругам. Прошлась, с опаской поглядывая по сторонам, вдоль решетки, сделала полный круг по периметру площадки и облюбовала скамью, прячущуюся за пышными кустами, надеясь, что тут меня уж точно не заметят.

Танцевали больше девчонки, зазывно поглядывая на парней, больше занятых разговорами и поглощением пива. Мои подруги лихо отплясывали и хохотали, дурачась. Ленка растеряно крутила головой, бесполезно выискивая меня в толпе. Я усмехнулась, зная, что после дискотеки она обязательно устроит мне головомойку, но это будет потом, а пока...

Внезапно вокруг меня разлилась странная тишина, выдавила грохот музыки за грань слышимости. Воздух, словно перед грозой, наполнился тревожным ожиданием. Перед глазами поплыли радужные круги, сливаясь в один большой мыльный пузырь. Я удивленно уставилась на него и похолодела, услышав тихий звук: хорошо знакомую по кошмарам песню одинокой свирели. Звук приближался, становясь громче. В печальную мелодию вплетался чей-то молящий шепот:

«Странник... Приди...»

Кошмар, презрев законы сна и яви, неотвратимо вторгался в мир реальности. Звуки дискотеки нехотя таяли, удалялись, их уже едва можно было различить в набравшей силу песне свирели. Безликий шепот раздавался, казалось, со всех сторон, ввинчивался в уши, оглушал, а мыльный пузырь вдруг вытянулся, расстелился под ногами радужной тропинкой из моих снов, приглашая пуститься в путь... Куда?!

Чьи-то ладони легли мне на плечи, и наваждение развеялось. Взвизгнув, я резко обернулась и уставилась в смеющиеся Митькины глаза.

– Ёлки, ты меня напугал! – наорала я на него, вскочив со скамьи.

– Извини, я не хотел, – как ни в чем небывало улыбнулся Митька, усаживая меня обратно и устраиваясь рядом.

От страха перед необъяснимым явлением я едва не бросилась Митьке на шею, но вовремя остановилась. Все-таки, остатков здравого смысла хватило, чтобы понять: ему только повод дай, и все, можно вообще забыть дорогу домой. Вместо этого я изо всех сил вцепилась в скамью, чувствуя, как в ладони впиваются острые кусочки облупившейся краски.

«Может, я задремала? – растеряно подумала я. – Устала с дороги, в поезде почти не спала – вот и результат... Да, похоже, так и есть».

Кивнув своим мыслям, я перевела дух и с легким любопытством покосилась на Митьку. Да, за те годы, что я его не видела (а, сколько лет я его не видела?!), из нескладного паренька Митька превратился в настоящего красавца: вытянулся, став выше меня на голову, раздался в плечах, а солнце тщательно позолотило смуглую кожу, под которой бугрились крепкие мышцы. От поклонниц, надо думать, нет отбоя.

Отодвинувшись подальше, на самый край скамьи, я тоскливо посмотрела в сторону выхода. Попалась, красна девица. Впрочем, сама виновата: не поддалась бы Ленкиным уговорам, не пришлось сейчас придумывать, как от него удрать.

Пока я занималась самообразованием, Митька придвинулся ближе и тихонько кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Привет, – угрюмо буркнула я, избегая встречаться с ним взглядом.

– Ну, привет, пропажа, – улыбнулся Митька и попытался меня обнять. – Ты как, совсем вернулась?

– Угу, – непонятно зачем соврала я, оттолкнув его руки.

– Что, правда? – обрадовался Митька.

– Кривда, – усмехнулась я.

Митька обижено замолчал. Придвинулся еще ближе и неуверенно спросил:

– Ксюш, может, хватит уже? Возвращайся. Я участок купил под дом, работаю у Волкова...

Стоило ему сказать про участок, Волкова и дом, и мое терпение лопнуло:

– Ага! Участки мы, значит, покупаем! Дома строить планируем! Все такие положительные, что просто умереть – не встать! И при этом родителей моих не забываем окучивать, чтоб, значит, привыкали к будущему зятю. Расспрашиваем их, где это нареченную носит! – вскочив со скамьи, напустилась я на Митьку. – Что ты пристал, как банный лист? Я тебе что-то обещала? Или чувство вины уснуть не дает? Так успокойся, не в каменном веке живем!

Митька молча кусал губы. Видимо, нашу встречу он представлял совсем по-другому, надеялся, что время сгладило между нами острые углы, да не тут-то было. Не слишком расторопный диджей запаздывал со следующей песней, и в образовавшейся паузе едва слышно прозвучал удрученный Митькин голос:

– Ксюш, давай поговорим. Мы столько не виделись, а ты кидаешься на меня, как мегера...

– Что?! – зло прищурилась я. – Хам!

Чудом удержавшись, чтобы не влечь ему пощечину, я резко развернулась и рванула к выходу. Ленка неуверенно шагнула мне навстречу, но я от нее отмахнулась, заподозрив, что подруга намеренно затащила меня на дискотеку, чтобы подстроить эту встречу.

Уже за воротами танцплощадки Митька меня догнал, схватил за руку и развернул к себе:

– Куда ты, глупая, одна идти собралась? У нас волки за окраиной ходить стали, порвут ведь.

– Не порвут, испугаются! Я сейчас такая злая, что ко мне ни один волк в трезвом уме не подойдет! – вырывая руку из его руки, огрызнулась я.

– Да не кипятись, давай провожу, раз уж ты домой собралась. Оно спокойней будет, – уговаривал Митька, не отпуская меня.

– А я не хочу, чтобы ты меня провожал, тем более, если это успокоит твою совесть. Отпусти руку, мужлан, мне больно! – разозлилась я, пытаюсь расцепить его пальцы.

Но Митька не только не отпустил руку, он вообще притянул меня к себе. Прижал, пресекая бесплодные попытки освободиться, едва ли вообще заметив мое сопротивление.

– А-а-а! – заорала я, не зная, что еще можно сделать, чтобы он отстал.

Рот я закрыла, только когда Митька попытался меня поцеловать. Завертела головой, отчаянно вырываясь, уткнулась лбом в его грудь и хорошенько надавила, страшно боясь свернуть себе шею. Попытка его боднуть удалась на славу. Митька скорей от неожиданности разжал руки, и я немедленно воспользовалась моментом. Вырвалась и припустила к дому с такой скоростью, какой от себя никак не ожидала, радуясь, что обула кроссовки, а не модные босоножки на каблуках. А ведь была мысль блеснуть модной вещицей в местном обществе!

До дома оставалось не так уж далеко, всего один квартал. Топот за спиной раздавался все ближе, придавая мне живости.

«Интересно, кто первым выйдет на финишную прямую? По-моему, я скоро выдохнусь... Спасибо моей вредной привычке!» – зло подумала я и поднажала, зная, что за поворотом будет пригорок, с которого бежать легче, а там и до дома рукой подать. Добежать до ворот, хлопнуть перед Митькиным носом железную калитку и задвинуть засов – что может быть проще!

– Ксюша! Да погоди ты, не беги! Не буду я тебя целовать, обещаю! Остановись! Тут опасно! – кричал за спиной Митька, гораздо ближе, чем мне бы хотелось.

Я влетела в поворот, чудом в него вписавшись. Рядом мелькнул каменный забор, низко нависшая яблонева ветка чиркнула по плечу, бархатистые листья мазнули щеку. Я зажмурилась, втянула голову в плечи, и похолодела, сообразив, что вполне могла лишиться глаза.

Сразу за поворотом начинался спуск.

«Ура, почти добежала!»

И тут мое ликование круто обломалось – Митька все-таки меня догнал. Схватил в охапку, ловко перехватив занесенную для оплеухи руку.

– Что же ты творишь, дурочка? Я ведь не шутил на счет волков. Ты только прислушайся, – тихо заговорил Митька.

Он даже не запыхался, зато мое сердце стучало где-то в горле, готовое лопнуть. Беспомощно барахтаясь в его руках, я все еще надеялась вырваться и дать деру.

– Пусти, дурак! – отчаянно вырываясь, вскрикнула я. – И не вешай мне лапшу на уши, нет тут никаких волков!

– Отпущу, обязательно, – пообещал Митька, ничуть не ослабив хватку. – Только провою. Зря ты про лапшу, такими вещами разве шутят? Да перестань ты дергаться, сама послушай и поймешь, что я не вру!

Убежденность, с которой он говорил, невольно заставила меня притихнуть и прислушаться к ночным голосам.

Звуки дискотеки остались где-то в стороне. Кое-где во дворах лаяли собаки, с реки доносился подхваченный теплым ветерком лягушачий концерт. В траве исполнял соло кузнечик, слышалось пьяное пение (кому-то было гораздо лучше, чем мне сейчас!). Как будто ничего такого необычного, привычные звуки. Но тут, со стороны недалекого леса, раздался глухой вой, жутковатый и в то же время проникновенный, берущий за душу. Я затряслась, вжимаясь в Митьку спиной, съезжилась, стараясь стать маленькой и незаметной: от страха кому угодно на руки прыгнешь! Митька, не будь дурак, тут же воспользовался ситуацией: крепче прижал меня к себе и стал успокаивающе поглаживать мои плечи. Коснулся губами щеки, и я мгновенно напряглась, готовая дать отпор. Волки волками, а повторять опыт выпускного бала я не собиралась.

Митька словно понял, что от быстроты его действий зависит, сорвет он мой поцелуй или останется так, несолоно хлебавши. Развернув меня к себе лицом, он прижался к моим губам, жестко, не позволяя отстраниться. Я только пискнула, замотала головой и попыталась вырваться из его крепких объятий. Дернулась раз-другой – бесполезно. Проще было гору с места сдвинуть, чем вырваться из его хватки. Не придумав ничего лучшего, я ударила его по ноге, теперь уже жалея, что на мне кроссовки, а не босоножки – удар каблуком получился бы ощутимей. Но и этого оказалось вполне достаточно: Митька, охнув больше от неожиданности, сколько от боли, разжал руки, и я, что было сил толкнула его в грудь, вырвалась и припустила вниз по улице.

Под горку бежать было легко. Я мчалась к дому как птица, только что крыльев за спиной не хватало, и, решив срезать угол, свернула на узкую, едва видимую во тьме тропинку. Подошвы кроссовок предательски заскользили по поникшим стеблям тимopheевки. Я раскинула руки, пытаясь сохранить равновесие, а в следующее мгновение ласточкой взмыла над тропой, запутавшись в плетях вездесущего вьюнка.

Приземление оказалось жестким. Перед глазами замелькали разноцветные огни, слились, превращаясь в радужную тропинку. Вспыхнувшая в ободранных ладонях тупая боль, горячо пульсируя, растекалась по сжавшемуся в жалкий комочек телу. Я замерла, ошарашенная падением, и с удивлением поняла, что проваливаюсь в темноту беспомысленности. «Черт, мне только в обморок упасть не хватало для полного счастья...» – пронеслось в затухающем сознании.

Последнее, что я услышала, прежде чем отключиться и, как говорил один мой знакомый, уйти в nirvanу, был Митькин удивленный возглас:

– Радуга?..

Глава 2. Старый королевский лес

или добро пожаловать в Полевию!

Из огня да в полымя.

Русская пословица

Ласковая чернота беспамятства баюкала, несла меня сквозь вспышки призрачных радуг. Станным было ощущение невесомости, парения в пустоте, полное безразличие и отстраненность. Покачиваясь, будто на волнах, я равнодушно отметила, что тьма напоминает лужу в бензиновых разводах, только ярче, цветастей. Торжественней.

«Ночная радуга... Как во сне...»

Тысячи, миллионы звезд, далеких и удивительно близких, словно рассыпанные блестящие пайетки на газовом цветастом шарфе, закручивались тугой спиралью, центром которой была я.

«Или это искры из глаз?..»

Вспучивались разноцветные мыльные пузыри и лопались слепящими брызгами, напоминая салют в честь дня Победы. Или новогодний фейерверк. И снова вспышки, искры, всполохи...

«Может, я умерла?..»

Сознание возвращалось медленно, я бы сказала нехотя. Чувство невесомости схлынуло, уступив привычному для тела притяжению. Произошло это так стремительно, будто на меня вдруг свалилась тяжелая перина, и я невольно охнула. Лежать было жестко. Шуршащая, неровная поверхность никак не походила на матрац, скорей уж на твердую землю. В живот упиралось что-то тупое, шероховатое на ощупь. Ко всем неприятным ощущениям добавилась саднящая боль в ладонях и коленях, и я никак не могла понять, почему они болят. Мысли путались, не спеша выстраиваясь по порядку. Перед глазами все еще мелькали звездочки, вспыхивали радужные всполохи, напоминая клубную светомузыку... Светомузыку? Вспомнила! Я приехала к родителям в гости и с девчонками пошла на танцы. Там был Митька... Все встало на свои места. В очнувшейся, наконец, памяти замелькали, словно кадры из фильма, картинки побега, неловкого поцелуя, которого я так не желала. Вспомнила, как снова пыталась удрать и, в результате, грохнулась со всего маху. Значит, я отключилась? Интересно. Видно, хороший был удар, иначе, чем еще можно объяснить потерю сознания.

Не поднимая головы и вообще стараясь не шевелиться, я прислушивалась к своему телу, пытаюсь понять, смогу ли сесть и если смогу, не станет ли мне худо. И почему это Митька не спешит на помощь? Будь он действительно заинтересован в моей скромной персоне, уже должен был поднять меня, поставить на ноги, отряхнуть и проводить домой, так почему же он не спешит?

Не дожидаясь, пока Митька сообразит, что мне нужна помощь, я открыла глаза и удивленно уставилась перед собой. Ночь давно кончилась. Землю заливал мягкий солнечный свет, рассеянный кронами вековых деревьев до зеленоватых сумерек. Густой ковер опавших листьев разбавляли редкие кусты чохлой травы... Где это я?! Как попала в лес? Да и не было вокруг нашей станицы таких лесов, в основном искусственные сосновые посадки. Я осторожно села, шипя от боли и стараясь не опираться на ободранные ладони. Огляделась, не понимая, куда меня занесло, а главное, каким образом.

Вокруг росли в основном дубы, наверняка давным-давно разменявшие первую сотню лет. Обомшелые стволы и выпирающие корни, на один из которых меня и угораздило свалиться, поросли мхом и бледными то ли поганками, то ли опятами на длинных хрупких ножках. Под-

леска почти не было. Редкие осины, трепеща серебристыми с изнанки листочками, освещали чащобу подобно ветвистым канделябрам на тысячу свечей, отчего лес казался не дремучим, а выглядел величественно, словно готический храм. Где-то в вышине перекликались птицы, возмущенно стрекотала сорока. Тихо шуршали листья, подрагивая под ласковыми касаниями заблудившегося в ветвях ветерка. Не было слышно ни отдаленного шума машинных двигателей, ни вообще каких-то звуков, которым положено быть в обжитых людьми местах. Только тишина, оттеняемая птичьими трелями и жужжанием пролетающих насекомых.

Испуганно озираясь, я пыталась собраться с мыслями и понять, что делать и куда идти. Соображалось плохо, сказывалось падение. Всем телом трясясь от слабости и страха, я встала на ноги и наконец-то осмотрела себя. «Да уж... Вот так полетала, – мрачно размышляла я, разглядывая порванные брюки, разбитые в кровь колени и сvezены ладони. – Живот и тот весь в царапинах! Знатно меня приложило».

Ранки были не глубокими, но страшно саднили, к тому же, в них попала пыль, и кроме пыли должно было еще что-то попасть. «Если я не пойму, где нахожусь, не найду дорогу домой или к ближайшему жилью, не промою и не обработаю царапины, то запросто загнусь от столбняка».

Стараясь не поддаваться панике, я подобрала валяющуюся неподалеку сумку и зашарила в ней, вылавливая в необъятных глубинах свой Самсунг. Если уж местность не поддавалась опознанию, логично позвонить и вызвать помощь.

Пальцы коснулись прохладного гладкого корпуса.

– Ага, попался, голубчик! – торопливо извлекая телефон, улыбнулась я и, взглянув на экранчик, растерянно заморгала: на ровном голубом фоне мигали цифры 00-00, бледный значок антенны показывал отсутствие сети, что само по себе еще ничего не значило, возможно, просто глюк мобильного. Дрожащими руками я его выключила и снова включила. Ничего не изменилось. На попытку набрать мамин номер, телефон отозвался равнодушной тишиной.

– Просто замечательно. В какую же глушь меня занесло?

Удрученно вздохнув, я сунула бесполезный телефон обратно в сумку. Оставался еще вариант – забраться на дерево и оттуда попробовать поймать сигнал спутника. Немного воспрянув духом, я подступилась к ближайшему дубу, прикидывая, смогу ли дотянуться до нижней ветки великана. Желание экспериментировать увяло на корню: на дерево можно было взобраться разве что с разбега. Увы, я не паркурщик.

– Что ж, раз технические средства отказываются служить, будем действовать другими методами, – пробормотала я. – Определить север по веткам деревьев и мху я вряд ли смогу, значит, воспользуемся слепым методом тыка. Для начала попробую хотя бы тропинку какую-нибудь отыскать.

Пока я пыталась определить, где нахожусь и в каком направлении идти искать жилье, судьба подкинула очередной сюрприз. «Сюрприз» появился из-за ближайших деревьев и был представлен в лице (или морде?) здорового волка. Уж не знаю, откуда у меня взялись силы, но я опрометью кинулась к давешнему отвергнутому дубу, как ошпаренная кошка взвилась по стволу и оседлала толстую ветку. Сердце гулко стучало о ребра, тряслись руки, норовя ослабнуть и отказаться держать свою хозяйку. Волк, с глухим ворчанием, прыгал вокруг дуба, злясь на упущенную возможность подзакусить. Я перевела дух, посмотрела вниз, на беснующегося зверя, и пригорюнилась. Какое-то время я буду в безопасности, но если эта скотина не уйдет, то игра в «кто кого пересидит» может закончиться не в мою пользу.

Послышался свист. Зверюга, насторожив уши, завилала хвостом и приглушенно гавкнула, здорово меня озадачив:

– Волки лают? Не знала...

Тем временем из-за той же кущи выехал всадник. Точнее всадница. Я невольно залюбовалась зрелищем: белоснежная лошадь с густой белой гривой шла легкой рысью. Длинные

светлые волосы всадницы лениво перебирал ветерок, и они роскошным плащом ложились ей на спину. Совсем юное лицо, но неожиданно суровое, брови сведены к переносице, губы недовольно поджаты. И все-таки красива, суровой, холодной красотой. При взгляде на нее мое воображение живо нарисовало холмистые луга почему-то северных стран.

С проснувшимся любопытством я рассматривала девушку, удивленно отмечая, что одета она не в привычные джинсы или более уместные по летней жаре шорты, а в серые штаны и тунику с богатой вышивкой. Высокие сапоги со шнуровкой, украшенные той же вышивкой и чем-то похожим на бисер, подчеркивали длину ног. Из-за плеча высывалась дуга лука и колчан со стрелами, к седлу приторочен меч. Изумленно похлопав глазами, я помотала головой, пытаясь избавиться от дивного видения, и снова внимательно рассмотрела экипировку девушки. Лук и меч никуда не делись. «Что за прикол такой? Тут что, проходят ролевые игры?»

Девушка снова свистнула, подзывая волка. Он в два гигантских прыжка поравнялся с нею, закрутился у лошадиных ног, привлекая хозяйкино внимание к своей добыче. Добыча, надо понимать, я. Ну-ну, мечтать не вредно.

На лице всадницы отразилось облегчение.

– Опять убежал! Что, зайца почуял? – мелодичным голосом обратилась она к зверю. Тот, естественно, не ответил, но вполне выразительно посмотрел в лицо хозяйки и, подбежав к дереву, твякнул. Девушка мгновенно насторожилась, спешила и подошла к дубу, ведя лошадь под уздцы. Посмотрела вверх и охнула, разглядев меня, прижавшуюся к стволу. Я вяло помахала ей, кисло улыбувшись: желания изображать радость от встречи с лесной дивой и ее сторожевым волком не было никакого.

– Святой Маахил! Ты цела? – встревожено воскликнула всадница.

– Не совсем, но в этом твой волк не виноват, – отозвалась я, позволяя и себе в ответ называть ее на «ты».

– Волк? – удивленно спросила она. – А, ты о Рессе! Он не совсем волк, только на четверть. Да спускайся, не бойся, он не тронет. Ресс только с виду большой и страшный, а на самом деле большой добряк, – улыбнулась девушка и потрепала зверя по загривку. Тот в порыве признательности встал на задние лапы, положив передние девушке на плечи, и лизнул в лицо. Она засмеялась, отпихивая волчью морду.

– Он точно меня не съест? Такая здоровенная скотина... – с сомнением спросила я, ногой пробуя на прочность хрупкий с виду сучок. Второго падения мне уж точно не пережить.

– Не бойся, он тебя понюхает, может, попытается лизнуть. Он любитель целоваться, но есть тебя не будет, точно, – усмехнулась девушка.

Осторожно спускаясь, цепляясь за отслоившуюся кору, я каждое мгновение ожидала тихого хруста и свободного полета. Ёлки, как я вообще сподобилась забраться на этакий реликт?! К счастью обошлось. Спрыгнув со зловеще потрескивающего сучка, я прижалась спиной к стволу и зажмурилась в ожидании укуса. Но Ресс и в самом деле не пытался меня слопать (может, просто был сыт?), зато шумно обнюхал, тычась носом в ноги и живот. Встал на задние лапы, лизнул в лицо. Да, скотинка невероятно огромная. Под весом передних лап я присела, пытаясь устоять на ногах и не сесть на пятую точку. Осторожно открыла глаза – прямо перед лицом жарко дышала здоровенная пасть, вывалив розовый язык. Клыки впечатляли. Я судорожно сглотнула, на мгновение представив, что будет, если песику все-таки вздумается попробовать меня на вкус. Правда, глаза Ресса, орехового цвета, были вполне дружелюбными, что вселяло некоторую надежду отделаться легким испугом.

Пес еще раз лизнул меня и опустил на четыре лапы, бешено крутя хвостом. Носом поддел ладонь, приглашая погладить себя. Я решила и провела ладошкой по его морде, между ушами, к холке. Довольный лаской, Ресс потерялся о мои ноги и вернулся к хозяйке. Девушка покусывала губы, изо всех сил сдерживая рвущийся смех – видимо, наше с Рессом знакомство

ее позабавило. Я же облегченно перевела дух и не слишком приветливо посмотрела на всадницу, не понимая, что тут смешного.

– Я Сигрид, дочь Ивара. Кто ты, и как оказалась в Старом лесу, так далеко от жилья? – не без труда подавив улыбку, спросила девушка, придавая лицу серьезное, почти официальное выражение.

– Я Ксения, дочь Алексея, – поддавшись тону Сигрид, ответила я – зачем портить ей игру? – И, если честно, понятия не имею, как здесь оказалась. Споткнулась, упала, очнулась – лес вокруг, и твой оскалившийся волчара несется на меня.

– То есть, как это, ты не знаешь, как сюда попала? – опешила Сигрид.

– Говорю же, шла с танцев, ко мне пристал бывший одноклассник, я от него убежала, зацепилась за что-то ногой и грохнулась. Скорей всего, потеряла сознание. Очнулась – лес вокруг, трубка не работает. Ты не знаешь, далеко дорога? Может, там еще и транспорт какой ходит? И вообще, хотела бы я знать, как в лесу оказалась, – растеряно закончила я объяснения.

– Ты так странно говоришь... Что такое трубка и почему она не работает? – настороженно спросила девушка.

Я ошеломленно уставилась на нее. Она действительно настолько вошла в роль, что напрочь забыла, что такое мобильный телефон?

– Трубка это мобильный телефон. Вот, смотри, – терпеливо объяснила я, выуживая из сумки и протягивая ей мобильный. Сигрид с опаской коснулась его кончиками пальцев и отдернула руку.

– Оно светится и мигает! – испугано воскликнула она и попятилась. – Ты чародейка? Только у магов бывают вот такие непонятные штуковины. Мы стараемся их не касаться, вдруг взорвется или превратит во что-нибудь.

– Что? Какие еще маги? – нахмурилась я. – Это обыкновенный мобильный телефон, по нему звонят и говорят с другим человеком. Ты тут в ролевки играешь, что ли? Прервись ненадолго, мне сейчас не до шуток, знаешь ли. Помоги выйти на дорогу или укажи к ней путь, мне домой надо.

Поджав губы, девушка смерила меня долгим подозрительным взглядом:

– Мне не понятно, о чем ты говоришь, но к дороге я тебя выведу. Видимо, ты сильно ударилась, если забыла, как колдовать надо.

– Окей, буду тебе очень признательна, – кивнула я, стараясь не выходить из себя. С головой у девушки явно не все в порядке, иначе она так настойчиво не твердила бы о магии и не причисляла меня к армии несуществующих на самом деле чародеев.

Попытка забраться на кобылу ничем хорошим не закончилась. Я просто не знала, как на нее садиться. Попробовала подтянуться, подпрыгнуть – в результате плюхнулась на мягкое место. Потирая ушибленный зад, я хмуро покосилась на хохочущую Сигрид.

– Давай руку, – похихикивая, предложила девушка.

Я вцепилась в протянутую ладонь, оперлась свободной рукой о круп кобылы и подпрыгнула. На этот раз попытка увенчалась успехом, хоть я и предпочла бы, чтобы кобылу подвели к пню, с которого забраться ей на спину намного проще.

Кое-как устроившись за спиной Сигрид, я приготовилась к приятной прогулке по вековому лесу, но уже минут через десять спокойной рыси поняла, что лучше бы мне пойти пешком. Привыкшая к мягким автомобильным сиденьям или, пусть не к таким роскошным, но гораздо более комфортным, чем лошадиный круп, сиденьям общественного транспорта, я тряслась за спиной своей провожатой как куль с мукой.

– Пожалуй, мне лучше пойти пешком, – ерзая, сообщила я.

– Почему? Что случилось? – удивилась Сигрид. – Пешком далеко не уйдешь, верхом через пару дней на тракт выйдем.

– Понимаешь ли, Сигрид, дочь Ивара, – стараясь говорить спокойно, объяснила я, – мне никогда раньше не приходилось ездить верхом, я больше на автотранспорте привыкла путешествовать, с максимальным комфортом, и если сейчас же не слезу с этого средства передвижения, то завтра вообще не смогу ни ходить, ни сидеть. Уж лучше ножками прогуляюсь.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, Ксения. Пешком и за седмицу до тракта не дойти, – отозвалась Сигрид. – А что такое этот твой чудесный автотранспорт? Я никогда о нем не слышала.

Искренность, с которой она произнесла последнюю фразу, вогнала меня в ступор. Все-таки я попросила ее остановить кобылу и неловко спрыгнула на землю. С удовольствием потянулась, растягивая затекшие мышцы. Зад мстительно ныл. Да уж, без тренировки верхом на лошади долго не проедешь, особенно без седла. Так что лучше на своих двоих дотопать до дороги, а там поймать попутку и домой. Мама наверняка уже обнаружила мое исчезновение и сходит с ума от беспокойства.

Удивленно пожав плечами, Сигрид грациозно соскочила с кобылы и пошла рядом. Я недоверчиво покосилась на девушку и надела на нее с расспросами, пытаюсь выяснить хоть что-то о местности, куда меня занесло. То, что поведала светловолосая красотка, вызывало недоумение:

– Это Старый королевский лес, а мой отец местный лесник. Лес огромен, одному объехать просто невозможно. Когда отец был молодым, ему помогали старшие братья. Пока не женились и не разъехались кто куда. Потом выросли мои братья, и теперь они помогают отцу. Недавно мне тоже разрешили объезжать лес. Правда, мама очень противилась, но я настояла. Чем я хуже братьев? – пожав плечами, возмущенно спросила девушка неизвестно кого. – Наш король большой любитель охоты, у него здесь охотничий домик, в южной части леса. Обычно осенью там бывает много знатных господ, все такие разодетые...

– Послушай, Сигрид, или как там тебя на самом деле, по-моему, ты заигралась. Какой еще король? Какая знать? Что это за страна? – завопила я. Терпение, так тщательно сохраняемое в последние полчаса, лопнуло. Мне хотелось как следует потрясти свою белокурую спутницу и, если понадобится, выбить из нее все ответы.

Во взгляде Сигрид отразились обида и недоверие:

– Ты что, в самом деле не знаешь, где находишься?

– Представь себе! А с твоими играми я вообще скоро начну сомневаться в здравости своего рассудка. Ты можешь честно и внятно ответить, что это за лес, где он находится, и что вообще происходит с тобой? В какие игры ты играешь? Выйди, наконец, из образа и поговори со мной, как нормальный человек! – отчаянно воскликнула я, останавливаясь.

Сигрид обиженно поджала губы и сухо повторила:

– Меня в самом деле зовут Сигрид, я младшая дочь лесника Ивара. У меня десять братьев, и все мы присматриваем за этим старым лесом. Страна, в которую ты попала, или не узнаешь по непонятным причинам, называется Полевия, и правит в ней король Велимир.

– Никогда о такой не слышала, – озадаченно пробормотала я, силясь припомнить географическую карту, почему-то, европейскую часть, где сосредоточились бывшие королевства. Перед глазами возникали прихваченные из школьных учебников картинки средневековых городов, фильмы о короле Артуре и Робине Гуде, и, как венец моим фантазиям – кадры из фильма «Рыцарь Камелота» с Вупи Голдберг в главной роли. Бред! – Кстати, почему ты с луком и мечом? Король противник огнестрельного оружия?

– У нас луки и мечи расхожее оружие. Есть, правда, еще боевые топоры, копыя и прочая смертоносная дрянь, но в лесу они не нужны, нам и луков хватает. Мечи берем на всякий случай, мало ли что. Огнем управляют только маги, и то не все. Может они и придумали оружие, что стреляет огнем, но в руках простого человека оно бесполезно, а мы и есть люди простые, без магических талантов, – терпеливо объяснила Сигрид.

– То есть, ты хочешь сказать, что у вас есть магия? Самая настоящая магия и маги? – ошеломленно переспросила я, заподозрив, что девушка больна, и болезнь прогрессирует. Или она до конца верна своей роли. В последнее хотелось верить больше – я понятия не имела как вести себя с душевнобольными.

– Да, у нас магия не редкость. А разве у вас не так? Вон у тебя какая причудливая штука, которую ты трубкой называешь, разве это не амулет? – с самым серьезным видом кивнула девушка.

– Нет, это всего лишь механизм, в нем нет ничего магического, – морщась, отмахнулась я. – А магами притворяются всякие шарлатаны, чтобы денег заработать. Во всяком случае у нас, в России.

– В России? Никогда не слышала о таком городе, – удивилась Сигрид. – Наверное, это на севере, у границы Шарапова леса, да?

– Какой еще лес? – одарив девушку возмущенным взглядом, воскликнула я. – И это не город, а страна, занимает большую часть материка Евразия...

– Невозможно, – убежденно перебила Сигрид. – Большую часть материка занимает наше королевство, Полевия. А про Еразию я вообще впервые слышу, нет такого материка.

– Не Еразия, а Евразия, – автоматически поправила я, и ошарашено уставясь на свою спутницу, тихо спросила. – То есть как, нет? А куда же он делся?

– Никуда. Его и не было никогда. Правда, есть легенда, о большом острове рядом с Полевией. Только он, кажется, то ли затонул, то ли его маги сожгли, – пожав плечами, ответила Сигрид.

– Ага, ты еще скажи, что это вообще не Земля, тогда я точно буду знать, что по тебе Кашенко плачет! – натянуто рассмеялась я.

– При чем тут земля? Говорю же тебе, это Полевия. По-ле-ви-я! Ты в Старом королевском лесу, понимаешь? – в который раз терпеливо повторила девушка, и смущенно спросила. – А кто этот Кашенко? И почему он по мне плачет?

– Кашенко, это дурка, а плачет, потому что тебя заждался. Или меня, – усмехнулась я и, сложив ладони рупором, шутливо крикнула: – Ау, дяденьки санитары! Спасите меня, пока я окончательно не сбрендилла и не поверила, что переместилась в параллельный мир!

– Ой, так ты... иномирянка? – изумленно ахнула Сигрид.

Меня так и подмывало покрутить пальцем у виска, но я удержалась, сраженная актерским талантом девушки. Это насколько же надо войти в образ, чтобы так убедительно играть свою роль? Ёлки, да Голливуд просто отдыхает! Будь моя воля, с удовольствием вручила бы Сигрид, или как ее там на самом деле, Оскара, Эмми и Нику в придачу, за лучшую женскую роль – заслужила. Ей почти удалось убедить меня, что окружающий мир – чужой.

– Нет, йети. Сигрид, хорош морочить голову!.. – огрызнулась я, устав с нею спорить, и едва успела пригнуться, прикрывая голову от стремительно налетевшей тени. – Черт! Что это?

– Это? – Сигрид безмятежно посмотрела вслед серо-зеленой твари, очень похожей на летучую мышь. – Это лесной дракон.

– Кто? – нервно хохотнула я, силясь рассмотреть дивную живность, пока та не скрылась в буйной зелени. Все-таки не мышь. Не бывает у них таких длинных хвостов. И днем они не летают.

– Лесной дракон, – повторила девушка и пояснила: – Малая виверна, это если по-ученому. Не бойся, поодиночке они не опасны. Разве у вас такие не водятся?

Смысл последней фразы, сказанной Сигрид, дошел до меня не сразу. Сознание упорствовало, не желая принимать тот факт, что окружающий мир вовсе не привычная и родная Земля. Я упрямо продолжала верить, что девушка рассказывает небылицы, заигравшись в свои дурацкие игры, что вот сейчас она засмеется и признается, что просто разыгрывает меня, а тварь, едва не вспоровшая когтями мое лицо, обыкновенная лесная птица. Я готова была поверить

даже в то, что узкий чешуйчатый хвост мне только привиделся. Мало ли что пригрезится после сильного удара о землю!

Неприятно взглянув на Сигрид, я споткнулась, увидев в ее глазах искреннее сочувствие и жалость.

Она не врала. Виверна не галлюцинация, она действительно существовала наяву, а не в моем больном воображении. Это не Земля.

Я влипла.

Внезапно подкосились ноги. Я осела на землю и прижала к груди сумку, вцепилась в нее, как утопающий в спасательный круг. Сказать, что новость меня потрясла, значит, ничего не сказать. Новость шокировала. Одно дело прочитать о чем-то подобном в книжке, от души потешаясь над истерикой героя, попавшего в чужой мир, и совсем другое – самой оказаться на его месте. Воображение живо нарисовало самые мрачные картины: грязные города, где под ногами бесстрашно шмыгают крысы, а помои выплескивают прямо из окон на мостовую. Смертельные болезни, от которых еще не успели придумать лекарств. Тяжелый ручной труд... Получалось, что шансы выжить в мире средневековья равнялись нулю. Еще и потому, что мне нечего ему предложить. Да если бы и было – кому нужен чужак?! Можно, конечно, попробовать наняться служанкой, пахать за гроши и терпеть самодурство хозяев. Если раньше кто-нибудь не решит на мне подзаработать, попросту продав в рабство или бордель – сомнительно, что у местных женщин есть хоть какие-то права. Как вариант – постараться выйти замуж. За крестьянина, потому как принцы обычно на голодранках не женятся, даже ради экзотики. И пахать в огороде от зари до зари, ежегодно рожая по ребенку. И, в конце концов, свалиться в борозде или умереть от родильной горячки. В общем, ни одна перспектива не радовала.

Трясущимися руками вытряхнув из сумки все содержимое, я выудила из горки всякой дребедени пачку сигарет и зажигалку.

– Нет, я просто сплю. Вот сейчас я проснусь и окажусь дома. Это бред, бред... Я сильно ударились и теперь брежу, – твердила я, дрожащими пальцами вытаскивая сигарету. – Господи, пожалуйста, пусть я сейчас проснусь... Обещаю, я больше никогда не буду спорить с родителями и брошу курить, только верни меня обратно!

И крепко зажмурилась, надеясь на чудо. Досчитала до десяти, глубоко вдохнула, и, решившись, приоткрыла один глаз. И уставилась на Ресса. Пес смотрел на меня, склонив голову набок и насторожив уши. Чуда не случилось, я все так же сидела посреди чужого леса.

В девственной тишине щелчок зажигалки прозвучал как выстрел. Я нервно затаилась, и Сигрид в ужасе шарахнулась в сторону. Спряталась за кобылу и смотрела оттуда, как я пыхаю дымом, прикрываясь почему-то лошадиной мордой.

– Не бойся, это не магия, а сигарета. Отрава, конечно, но не самое страшное, что бывает в жизни.

Как ни странно, но я успокоилась. В голове, стремительно сменяя друг друга, стали выстраиваться мысли: если меня каким-то образом угораздило попасть в чужой мир, значит, есть способ вернуться обратно. Не может не быть! «А если попробовать еще раз как следует треснуть о землю? Нет, это больно... Должны быть и другие способы!»

– Если в течение этих суток я не вернусь домой, придется бросить курить. Возможно, бросать придется даже раньше, сомневаюсь, что у вас растет табак, – невпопад сообщила я.

– Зачем ты глотаешь этот вонючий дым? – морщась, спросила Сигрид.

– Видишь ли, я и сама не знаю. Это вредная привычка, от которой не так-то просто избавиться. Вообще-то, надо просто захотеть, но проблема в том, что я не хочу. Но вернемся к нашим баранам...

– Каким баранам? – не поняла девушка.

– Ой, извини. Я имела в виду проблему, – пояснила я, поднимаясь и отряхивая штаны. – Итак, я попала непонятно куда, и моя задача – найти способ вернуться обратно. Как думаешь,

если я еще раз упаду, поможет? Пробовать что-то не хочется, может, есть другой способ? Ты говоришь, у вас магов, как в огурце семечек, и они в самом деле умеют колдовать. Может, обратиться к ним? – спросила я, тщательно туша окурок о землю. Не спалить бы этот дивный лес, местный король от моей выходки уж точно будет не в восторге.

– Можно попробовать. Тогда нам не к дороге надо сейчас идти, а ко мне домой, – ответила Сигрид.

– Зачем?

– Ближайший маг живет в городе, в нескольких днях пути отсюда. Нам собратиться нужно. Тебе переодеться не помешает, немного отдохнуть, поесть. К тому же мы не можем ехать на одной лошади, и родителей предупредить надо, – терпеливо объяснила девушка.

– Блин, а ты права. Хоть мне и не терпится встретиться с магом немедленно, придется нашу встречу немного отложить. Какие они, эти ваши маги? – меня просто распирало от любопытства. Почему-то в моем воображении колдовская братия представлялась в черных просторных мантиях со звездами и остроконечных шляпах, с посохами и совами на плечах. Наверное, потому, что в свое время пересмотрела фильмов о Гарри Поттере и волшебнике Мерлине.

– Увидишь, – улыбнулась Сигрид. – Поверить не могу: я встретила пришельца из другого мира! Ой, пришлицу, извини, – засмеялась она, увидев возмущение на моем лице.

– Мне вот совсем смешно. Меня скоро всей станицей искать начнут, так что давай потопремся, зайдем к тебе, соберемся и пойдем искать мага. Твой дом далеко?

– Нет, в паре верст отсюда, я как раз возвращалась домой, когда на тебя наткнулась, – беспечно откликнулась Сигрид, уверенно ведя меня по тропе.

– А твои родители не будут против, если ты к магу со мной пойдешь? И вообще, как ты собираешься объяснять им мое появление, скажешь, в лесу нашла? – настороженно спросила я, сообразив, что мое появление может вызвать массу вопросов.

– Да, у нас частенько плутают, так что при виде тебя они особо не удивятся, разве что твой внешний вид вызовет вопросы, – успокоила меня девушка.

– А что не так с моим внешним видом? – удивилась я, оглядывая порванные на коленях брюки и грязные кроссовки.

– А разве ты не видишь разницу? Твои волосы слишком коротко подстрижены, что в нашем мире не принято, на тебе странная одежда и обувь, у нас такой нет. Да и говоришь ты чудно, – объяснила Сигрид.

– В смысле чудно? Тебе не понятно, что я говорю? – спросила я, ощупывая свои волосы и вытаскивая запутавшиеся в них сухие веточки. И чем они не понравились Сигрид? Длина меня вполне устраивала – до лопаток, в самый раз.

– Нет, я-то тебя понимаю, но выражаешься ты порой так, что трудно понять, о чем идет речь. Вот хотя бы взять твою магическую трубку, ты говоришь, что она... какая? Механическая?

– О, боже! Сигрид, это обыкновенный телефон! Хотя, откуда тебе знать, что такое телефон. Я почему-то уверена, что у вас даже о порохе пока не знают, – снисходительно усмехнулась я. О порохе я и сама имела смутное представление. Знала, что это взрывчатое вещество, порошок, а вот точный химический состав не назвала бы ни за какие коврижки. Сера там есть, кажется, а еще что?

За разговором мы как-то незаметно вышли на опушку. Лес сменился редким кустарником, за которым открывался вид на бесконечную степь, казавшуюся гладкой, как столешница. Насыщенный зеленый цвет с вкраплениями красного, желтого, белого и голубого говорил о том, что сейчас поздняя весна, пора, когда травы сочные, а цветы еще не отцвели и не выгорели на солнце. Красиво. Легкий ветерок приносил с собой медовый запах одуванчиков и васильков, разбавленный легкой горечью ромашек, над которыми жужжали трудолюбивые пчелы. Слышалась птичья перекличка. Если на мгновение забыть, что за спиной вековой лес, а рядом

поглаживает морду кобылы Сигрид, можно подумать, что я дома, уехала на велике подальше от станицы, цветочки пособирать, земляничку поискать.

Рядом нетерпеливо фыркнула кобыла, вернув меня в реальность. Я удрученно вздохнула и спросила:

– Далеко еще?

– Нет, уже пришли. Дом прячется вон за теми дубами, надо просто подойти поближе, отсюда не видно, – улыбнулась Сигрид.

Там, куда она показывала, стояла небольшая группа деревьев. Понять, что это именно дубы, не рассмотрев их вблизи, новичку было невозможно. Я поверила ей на слово.

Дубы, высоченные, со стволами в три моих обхвата (мерила специально!), окружали широкую поляну, в центре которой стоял здоровенный двухэтажный бревенчатый дом, с просторной, открытой верандой по всему периметру. Неожиданно большие окна сверкали чем-то похожим на стекло, хотя, скорей всего, им и не являлось. В окне на первом этаже мелькнул чей-то силуэт, колыхнулась занавеска. Ресс, до этой минуты спокойно круживший вокруг нас, изредка убегая, но недалеко, в пределах видимости, бросился к дому, громогласно оповещая его обитателей о нашем прибытии.

Распахнулась дверь, выпуская одного за другим рослых молодых мужчин во главе с седовласым высоким, крепким стариком. Сходство мужчин и самой Сигрид с этим пожилым, но все еще красивым мужчиной поражало. Они что, все похожи на отца? И никто на мать? Я украдкой посчитала братьев – их оказалось только семеро. Ага, мне еще только предстояло убедиться в своей догадке.

Тем временем Сигрид твердо взяла меня за руку и повела к крыльцу. Оказавшись в центре внимания восьми мужчин, я смущенно поправила перепачканный топ и пожалела, что не надела на танцы футболку. Девушки с оголенными плечами тут явно были в диковинку. Вон как устались братишки Сигрид, как бы глаза не сломали.

– Рад приветствовать в своем доме такую необычную гостью, – опережая дочь, заговорил Ивар.

– Э-э-э, здравствуйте... – неуверенно пролепетала я.

– И тебе не хворать. Хотя с пожеланием я, похоже, уже опоздал. Что, лошадь понесла? – пряча улыбку в пышных усах, спросил лесник.

– Нет, это я сама... упала, – удрученно пробормотала я.

– Отец, тут такое дело... – начала было объяснять Сигрид.

– Да уж вижу, что не забава, – Ивар властным жестом заставил дочь замолчать и обратил все внимание на меня.

Я поежилась, испытывая неловкость. Выдержать этот пронзительный, изучающий взгляд, будто пробующий тебя на зубок, не смог бы, наверное, и Штирлиц со всем его самообладанием. Я и не выдержала, опустила глаза, сосредоточившись на разглядывании грязных кроссовок.

– Выходит, в руку сон.

Задумчивый голос лесника заставил меня вздрогнуть.

– Что? – растерялась я.

– Сны, говорю, сбываются, – усмехнулся мужчина, окончательно сбив меня с толку. – Сигрид, проводи девушку умыться и переодеться, и спускайтесь к столу – поговорим. – Повернулся к сыновьям: – А вы что столпились? Или заняться нечем? Ну-ка, марш отсюда!

Сигрид потянула меня мимо братьев к двери. Те с любопытством оборачивались, но молчали и, как велел им отец, стали разбредаться кто куда. Наверное, им и в самом деле было чем заняться, на лоне природы как раз с этим проблем нет никаких. Мне же покоя не давали брошенные вскользь слова лесника: при чем тут я и его сны?

Минуя темные сени, мы вошли в большую, прохладную и светлую комнату. Справа от двери на вбитых в стену крючьях висели плащи и куртки, под ними выстроились сапоги, все

огромные, явно принадлежащие отцу и братьям моей спутницы. Посередине комнаты стоял стол впечатляющих размеров, прямоугольный, с лавками по периметру. Я живо представила семью Сигрид, обедающую за этим столом – наверное, здорово иметь кучу братьев, к тому же старших.

В правом углу, который приходился на центр дома, расположился очаг, сложенный из крупных серых камней. Он, вероятно, служил обычной печью. Как и стол, очаг был огромным, в нем, наверное, можно было целиком зажарить кабана или оленя. Это сколько ж дров в такую топку нужно? В левой стене прорублены два окна, украшенные вышитыми занавесками. В углу я заметила лестницу на второй этаж, рядом с которой виднелась дверь, ведущая в соседнюю комнату. Вдоль стен стояла пара сундуков и лавок, прикрытые домоткаными ковриками. И никаких украшений, если не считать странный кругляш, висящий над камином: то ли большая тарелка, то ли уменьшенная копия щита с оскаленной волчьей мордой в центре.

«Может, они язычники и поклоняются тотемному животному, как наши индейцы?» – подумала я, разглядывая до жути реалистичный оскал.

Пока я, крутя головой, осматривалась, из соседней комнаты вышла невысокая седовласая женщина в синей юбке и белой рубашке, украшенной тесьмой и вышивкой. Приятная крепышка, мне сразу стало понятно, что это и есть жена Ивара и мать Сигрид и ее многочисленных братьев.

Женщина улыбнулась и пошла нам на встречу:

– Сигрид, ты с гостьей?

– Мама, познакомься, это Ксения. Ксения это моя мама, – поспешила представить нас девушка.

– Здравствуй, дитя. Добро пожаловать в наш дом. Меня зовут Далиа, можешь меня так называть, – приятная улыбка озаряла лицо женщины, делая его моложе. Вся моя вредность разом втянула свои щупальца и скрутилась в тугой комок. Эта женщина вызывала уважение. И еще она очень напоминала мою маму.

– Дочка, проводи Ксению в свою комнату и дай ей что-нибудь из своих вещей переодеться. Я сейчас к вам поднимусь, принесу воду и мазь, обработаем твои царапины, – последняя часть фразы относилась уже ко мне. Да, сразу видно, что Далиа отличная мать. Царапины, украшавшие мои локти и колени, она увидела сразу и не просто предложила помощь, а поставила в известность, что немедленно ими займется.

Мы поднялись на второй этаж, и Сигрид, пройдя мимо нескольких дверей, открыла самую дальнюю, в конце узкого, освещенного парой масляных ламп, коридора. Обстановка комнаты оказалась скромной: всего-то узкая кровать, накрытая ярким лоскутным одеялом, сундук для вещей, небольшой столик у окна и пара стульев. На столике – медный подсвечник с оплывшей свечой. У стены, словно подтверждая, что комната принадлежит девушке, выстроились тряпичные куклы и медвежата. Надо же, здесь тоже любят игрушечных мишек! Небольшой камин расположился в стене напротив кровати, а над ним – точная копия «тарелки» с мордой, уже виденной мной в общей комнате, только раза в два меньше.

«Точно тотем», – усмехнулась я, переводя взгляд ниже, на каминную полку, заставленную вырезанными из дерева зверушками и глиняными свистульками. Тут же обнаружилось маленькое, не больше блюда, зеркальце в грубой металлической рамке, пара морских раковин и открытая шкатулка, из которой свешивалась нитка бус из розовых, похожих на кварц, камешков.

– Снимай с себя это рваньё. Зашивать бесполезно, если только латки положить, но я сомневаюсь, что они спасут твои вещи. К тому же лучше тебе переодеться в одежду, которую носят у нас, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Открыв сундук, Сигрид стала перебирать вещи, выискивая подходящую одежду. Меня же так и подмывало спросить, что за символ висит над камином в ее комнате и внизу.

«От любопытства кошка сдохла», – мелькнула ехидная мысль, заставившая меня прикусить язык. Чем черт не шутит, а вдруг мой вопрос ее оскорбит?

– Ты на полголовы ниже меня и немного худее, – азартно копаясь в сундуке, рассуждала Сигрид, – значит, тебе подойдут вещи, которые я носила лет в пятнадцать-шестнадцать. Они почти новые, я не успела их толком поносить, быстро выросла.

– Ты, как и братья, ростом пошла в отца, а он у тебя мужчина не маленький, – откликнулась я, не без труда оторвав взгляд от оскаленной морды. – У тебя и остальные братья такие же высокие? Что-то я пока не видела никого, кто был бы похож на вашу маму.

– Нет, мы не все похожи на отца. Дамир и Петер, они близнецы, вылитые мама, невысокие и лицом схожи с ней. Но их сейчас нет дома, объезжают лес, а то бы ты сама увидела. Может, и увидишь, если они не решат заночевать в лесу. И Дарен похож на маму, правда, ростом в отца. Но его ты точно не увидишь, если только не зайдешь у нас, – хохотнула Сигрид, – он с женой сейчас в городе, у ее родителей, пробудут до конца осени. У Мирры, жены Дарена, скоро родится ребенок, мой первый племянник, – улыбнулась девушка.

– Поздравляю, – буркнула я.

– Спасибо! На самом деле это большая радость. Они женаты около пяти лет, но детей долго не было. Пришлось перебраться на какое-то время в город, там хороший травник живет. Зато осенью малыш появится на свет и как только немного окрепнет, они вернуться сюда.

Сигрид извлекла из сундука зеленую рубаху из тонкого льна с богатой вышивкой по вороту и рукавам и темно-серые штаны.

– Вот, одевайся. Сейчас еще сапоги подберу, где-то у меня были сапожки, которые я обувала всего один раз, потом нога выросла. Помню, я так горевала, что не успела их поносить, они мне так нравились.

Переодеться я не успела: вошла Далия с тазом и кувшином горячей воды, и мне было велено показать «боевые» раны. Далия промыла их и смазала ароматной мазью, приятно охлаждающей кожу. Ноющая, тупая боль утихла почти сразу, и это мне очень понравилось.

– Что это за волшебная мазь? Так быстро боль снимает, почти мгновенно.

– Это часть той самой магии, в которую ты не веришь, – съязвила Сигрид.

– Ты не веришь в магию? Почему? – удивленно спросила Далия.

– Мама, Ксения родилась в другом мире, Там магии нет, поэтому она в нее и не верит, – объяснила Сигрид.

– Ты пошутила? – Далия недоверчиво посмотрела на дочь.

– Нет, Сигрид не шутит. Я действительно случайная гостья в вашем мире, – вздохнула я.

– Мама, разве ты не видишь? У нее подстрижены волосы, она одета не так, как принято одеваться у нас. Посмотри на ее обувь, разве ты не замечаешь, что она не похожа на наши сапоги и туфли? Ксения, покажи маме свою волшебную, ой, прости, механическую трубку, которую ты называешь телефоном, – попросила девушка.

Пришлось лезть в сумку за главным доказательством, но Далия едва удостоила взглядом мигающий экранчик. Женщина внимательно разглядывала мои волосы и одежду, кроссовки, покрытые пылью.

– Святой Маахил... Детка, но как же ты попала сюда? Разве возможно такое без помощи мага? – прижав руку к груди, встревожено воскликнула Далия.

– Вы серьезно думаете, что кто-то переместил меня в ваш мир? Я почему-то подумала, что это вышло случайно, – озадачено пробормотала я.

– Что ты! В мире нет ничего случайного, все события взаимосвязаны, как узелки на одной нити. Поверь, хоть я и имею смутное представление о магии, и как она влияет на судьбы людей, но точно знаю, что без колдовства здесь не обошлось! Не может просто так один мир вытолкнуть человека в другой. Ты же родилась в нем, связана с ним, как ребенок связан с матерью пуповиной, – объяснила Далия, став серьезной, почти суровой, в глазах появилась тревога.

– То есть, получается, кто-то сердобольный решил мне помочь совершить небольшое путешествие в другой мир? Какой-нибудь ушлый маг? Вы это пытаетесь мне объяснить? – недоверчиво спросила я.

– Вот именно! – воскликнули Сигрид и Далиа одновременно.

– Но зачем ему это понадобилось? – недоуменно пробормотала я. – Я обычная девушка из мира, в котором магии нет, или же вся она сводится к гаданиям на картах. Не блещу никакими особыми талантами, разве что рисую неплохо. Что во мне может быть такого, чтобы местный маг заинтересовался и переместил сюда? Ведь, как вы утверждаете, все в мире взаимосвязано, и у мага должны быть для этого веские причины. Но если предположить, что все это просто случайность, побочный эффект чего-то глобального... Ну, какой-нибудь колдунишка, не рассчитав своих сил, активировал слишком мощное заклинание и не справился с освободившейся энергией, и это спровоцировало мое перемещение из мира в мир.

Сигрид уставилась на меня так, будто на моей голове выросли рога. Впрочем, Далиа тоже выглядела удивленной.

– Что? Почему вы так смотрите?

– И после всего сказанного ты хочешь, чтобы я поверила, будто ты ничего не знаешь о магии? – обиженно спросила Сигрид.

– Я и не знаю, правда. Просто книжек много всяких читала, в которых подробно пишут о таких вещах. В нашем мире это всего лишь фантазии, мечты, сказки, а настоящей магии нет. Разве в ваших сказках не рассказываются невероятные вещи, которых нет на самом деле, но очень хочется, чтобы были?

– Рассказывают, все верно. Просто трудно поверить в то, что ты сама не чародейка, – кивнула Сигрид, неуверенно взглянув на мать.

– Сигрид, оставь нашу гостью в покое, ей и так не сладко пришлось, – заступилась за меня Далиа. – Я пойду накрывать на стол, а вы переодевайтесь и спускайтесь. Ты проголодалась, детка? – тепло улыбаясь, спросила она меня.

– Есть немного, – смущенно ответила я.

– погоди, мама тебя сейчас своими пирогами кормить будет, – предвкушающе потирая руки, заулыбалась Сигрид. – А пироги у нее – пальчики оближешь.

Я только вздохнула, вспоминая пироги своей мамы.

Переодевание немного затянулось: Сигрид очень заинтересовалась моим бельем. Она восхищенно крутила меня, рассматривая кружева, ляпочки, ленточки. Если с бюстгалтером ей было все понятно, то вот стринги Сигрид озадачили. Я долго смеялась над ее высказыванием о веревочке и удобствах с нею связанных, но, в конце концов, убедила, что к такому фасону надо просто привыкнуть.

– Такого белья ты тут не найдешь, так что придется привыкать к местному, – все еще восхищенно вздыхая, сказала Сигрид.

– Вот еще, привыкать. Найду колдуна и домой вернусь, привыкать не придется, – буркнула я, поправляя ворот рубахи.

– Жалко, что ты так рвешься побыстрее вернуться, мне бы хотелось послушать рассказы о твоём мире, – вздохнула девушка.

– Поверь мне, наш мир мало, чем отличается от вашего. Просто ваша цивилизация основана на магии, а у нас она техногенная.

– Какая? – не поняла Сигрид.

– Техногенная, основанная на развитии технологий. Мы без машин уже мало на что способны. То есть, я хочу сказать, что мы полностью на них полагаемся, обленились, хотим жить комфортно, а комфорт именно машины и предоставляют, хотя требуют постоянного обслуживания. Мало того, они все время совершенствуются, порой просто не успеваешь привыкнуть к одной, как появляется что-то новое, более продвинутое, напичканное такой экзотикой, что

разобраться сложно, что к чему. В Японии, говорят, придумали такой умный унитаз, который мо...

– Что такое унитаз? – перебила меня Сигрид.

– Блин, ты ж не знаешь... Ну, как бы проще объяснить? Это туалет, только не на улице, а в доме. Сидишь себе с комфортом, думаешь. Там такая система, канализация называется, все нечистоты по трубе уходят в специальные отстойники, понятно?

– Не-а.

– Сигрид, я на словах, наверное, не смогу описать всю прелесть унитаза, это надо брать бумагу и чертить, попутно объясняя, что к чему и для чего надо. Хотя, при некоторой смекалке, у вас тоже возможно построить дом с канализацией, водопроводом и ванной комнатой.

– А если я дам тебе бумагу и перо, сможешь нарисовать, как выглядит этот ваш унитаз? – не отставала девушка.

– Скорей всего смогу. Тебе действительно интересно? – удивилась я.

– Да, хочу хотя бы приблизительно понять, как устроена эта штука. И еще, от рассказов тебе все равно не отвертеться – пока будем ехать к магу, будешь рассказывать о ваших чудесах. Но сначала пошли, поедим, а то мама ругаться будет, что мы так долго копаемся, и все нас ждут за столом.

– Пошли, – откликнулась я и, мельком взглянув на свое отражение в зеркале, остановилась, досадливо морщась: волосы, тщательно разглаженные перед поездкой, снова завивались упрямыми локонами. – Вот блин...

– Что? – обернулась Сигрид.

– Да опять этот ужас на голове!

– Где? По-моему, все хорошо, такие милые кудряшки.

– Ага, просто распрекрасные! Это они от пара распушились, паршивцы... – бесполезно пытаюсь пригладить волосы расческой, проворчала я. – Черт, я похожа на пыльный одуванчик!

– С чего ты взяла, что похожа на одуванчик, да еще и пыльный? – удивилась девушка.

– Потому что волосы торчат во все стороны и цвет соответствует!

– Ничего подобного, и не торчат, и цвет тебе к лицу – такой дымчато-русый. Между прочим, смотрится очень благородно, особенно с твоей бледностью, – убежденно заявила Сигрид, отбирая у меня расческу.

– Бледностью? Я что, настолько плохо выгляжу? – упавшим голосом спросила я, придирчиво рассматривая себя в зеркале.

– Почему плохо? Ты, понятное дело, напугана и растеряна, вот и бледная. Ничего, отдохнешь немного, в себя придешь, и от бледности следа не останется! Неизвестно, что бы чувствовала я, окажись на твоем месте. Уж точно одной бледностью не отделалась, – ободряюще улыбнулась девушка. – Кстати, будь твои волосы чуть длиннее, вообще роскошно смотрелись бы. Перевить лентой, а еще лучше ниткой жемчуга, и получится красавица – глаз не отвести!

Представив себя с прической а-ля средневековье, и как на меня пялятся в метро, я усмехнулась.

– Что смешного? – нахмурилась Сигрид.

– Ничего. Не обращай внимания, это нервное. Меня, знаешь ли, не каждый день в параллельные миры забрасывает... Идем, пока нам не влетело за опоздание.

«Как-то неправильно я себя веду, – мрачно размышляла я, спускаясь по лестнице вслед за Сигрид. – Мне в истерике биться положено, а все, что меня волнует – дурацкие кудряшки и как их разгладить. Наверное, я просто не могу поверить, что все это правда. Не могу. И так оно лучше. Проще. Есть еще надежда, что все это дурной сон... Или это от шока, и позже все-таки накроет по полной?!»

Глава 3. Семья лесника

или мир не без добрых людей

За столом собралась уже вся семья, за исключением близнецов и Дарена, пребывавшего в городе с беременной женой. Далиа слегка хмурилась – видимо, мы все-таки слишком долго переодевались. Ивар, напротив, встретил нас улыбкой, которую тщательно прятал в пушистых усах. Тем не менее, взгляд его, обращенный на меня, был все таким же цепким и внимательным. Каким-то оценивающим, что ли. Наверное, Далиа уже поделилась с ним последними новостями. Братья Сигрид рассматривали меня, не скрывая любопытства, переглядывались и перешептывались. Видимо, делились впечатлениями. Пристальные взгляды молодых мужчин страшно смущали. Понятно, что им интересно, кто я такая, но зачем же так пялиться? Так и подавиться недолго!

Мы пристроились на краешке лавки, рядом с Далией, и в тот же миг, как по команде, все домочадцы повернулись к «тарелке» с мордой, висевшей над очагом, и почтительно склонили головы. Никто при этом не произнес ни звука, казалось, они и дышать перестали. Я удивленно покрутила головой, не зная, надо ли то же самое сделать и мне, но, подумав, решила, что не стоит. В конце концов, это их божество, и все, что от меня требуется – не мешать и постараться не нажать врагов в лице его ярых почитателей.

Наконец, безмолвная молитва закончилась, и семья приступила к трапезе. Еда была простая, но такая вкусная, что я невольно вспомнила свою бабушку с ее незатейливой, но неизменно аппетитной стряпней. Сигрид оказалась права, пироги Далии одним своим видом заставляли рот наполняться слюной. Воздушные, исходящие ароматным паром, они по праву занимали центральное место на столе.

Вместо привычного чая или кофе (откуда ж тут такая роскошь!) передо мной поставили большую глиняную кружку парного молока. Не знаю, кто как, а я его очень люблю, и приложилась к нему с удовольствием, подавляя желание замурлыкать. Впрочем, на моем лице отразилось достаточно эмоций, чтобы окружающие стали тихонько похихикивать, а потом разразились дружным хохотом.

Отставив кружку, я возмущенно завопила, не понимая, что их так развеселило:

– Что?!

– Все в порядке, детка, не обращай внимания, – посмеиваясь, сказала Далиа.

– Просто ты так пьешь, будто оголодавшая кошка, влюбленная в молоко. Только что не мурлычешь, – отсмеявшись, объяснила Сигрид.

– Ну, вообще-то я его очень люблю, особенно парное... – смущенно пробормотала я.

– Все, хватит смущать нашу гостью! Дайте ей спокойно поесть, – приструнил веселящуюся семью Ивар.

За столом все притихли. Украдкой осмотревшись, я снова ухватилась за кружку и вдруг поймала на себе взгляд одного из братьев: его глаза светились симпатией и сдержанным любопытством, заинтересованностью, совсем не похожей на вежливый интерес к случайной гостье. Чуть склоненная голова, ободряющая улыбка... Я удивленно моргнула и нахмурилась.

– Сигрид, а мы не можем уйти? Прямо сейчас? – склонившись к уху девушки, прошептала я.

– Зачем? – удивилась Сигрид, подвигая ко мне блюдо с пирогами. – Ты же еще ничего не съела.

– Что-то расхотелось, – замялась я, пытаюсь спрятаться от любопытных взглядов за Далией.

– Неправда, – улыбнулась девушка. – По-моему, тебя смутили мои братишки. То, как они тебя разглядывают, верно?

– Вот еще, смутили, – проворчала я, осторожно взглянув через стол, и снова поймала внимательный взгляд сидящего напротив парня. – Вот уставился...

– Кто? Лель? – проследив мой взгляд, тихо спросила Сигрид.

– Да откуда мне знать, как его зовут? – возмущенно прошептала я. – Их так много, и все между собой похожи, как тридцать три богатыря!

Сигрид хихикнула и, вручив мне кусок пирога, шепнула:

– Не обращай внимания. Лучше попробуй маминых пирогов – вот увидишь, тебе понравится.

– Понятно, спрятаться не получится, – удрученно вздохнула я, вонзая зубы в мягкую сдобу. Что ж, раз сбежать не получилось, придется делать вид, что ничего не замечаю, то есть включить игнор.

Когда вся семья насытилась, Ивар приступил к расспросам. Его интересовало, что случилось перед тем, как я попала в Лес, и что чувствовала в момент перемещения. Пришлось еще раз пересказывать то, что уже было известно Сигрид:

– Я гостила у родителей, вечером подружки позвали на танцы, а там ко мне пристал бывший одноклассник Митька. Видите ли, жениться ему приспичило, – на последней части фразы сидящие за столом снова захихикали. Я и сама, не сдержавшись, усмехнулась и продолжила свой рассказ. – Я от него убегала, зацепилась за что-то ногой и упала. Кажется, в последний момент слышала, как Митька сказал что-то про радугу. Хотя не уверена, могло и почудиться от удара. Потом было ощущение полета, словно я парю, а вокруг загораются огни, лопаются, как мыльные пузыри и снова загораются. Может, это были искры? Ну, знаете, когда головой сильно обо что-то треснешься, искры из глаз сыплются?

– Не думаю, – Ивар немного помолчал и медленно, взвешивая каждое слово, заговорил. – Где-то седмицу назад привиделась мне во сне белая голубка. Будто попала она в силки, бьется, но лишь сильнее запутывается. Хотел я ей помочь, да только пропала она, а лес поглотило бескрайнее море. И сквозь воду увидел я, что попала в сети рыбина с человеческой головой, смотрит так жалобно, будто помочь просит. Но и море пропало, и видится мне, что стою я посреди сожженного поля – конца-края ему не видно, ветер пепел по нему носит. Посреди поля селяне живого старика хоронят, а у того уж и сил нет кричать. А то дорога подковой выгнулась да и лопнула, разверзлась земля пропастью бездонной и поглотила беспечного путника. На том месте вздыбились горы высокие в огне – верхушки так и полыхают, слепят, аж глазам больно. И чудится мне, будто к круче прикованы двое цепями золотыми, а цепи камнями драгоценными усеяны. И снова лес вокруг вырос, да дремучий такой, страшный. Деревья стонут, солнце верхушками заслоняют, и мечутся среди них волки, воют жалостливо, словно зовут кого-то. Поутру подивился я и забыл – мало ли, что приснится? Только сегодня сон повторился: и голубка, и рыбина, и старик, живьем похороненный, и путник, проглоченный бездной, и двое в цепях, и волки... И еще много чего странного, – смерив меня тяжелым взглядом, закончил Ивар.

– Не иначе пресветлая Элехнэ пыталась предупредить о чем-то, знаки подавала, – кивнула Далиа, видимо не в первый раз слышавшая о сновидении мужа.

– И как это все связано со мной? – настороженно спросила я, не понимая, при чем тут сны Ивара, какая-то Элехнэ со знаками и мое появление в Полевии.

– Может, и нет никакой связи, – пожал плечами лесник. – Только в помощи мы тебе не откажем. Кто знает, не о том ли просила Элехнэ. Завтра поедешь в город, с Сигрид, Лелем и Рэвом. Они проводят тебя к Любомиру, городскому магу, а там – боги тебе в помощь. С магами вообще лучше держать ухо востро, странные они – чем леший не шутит. Тот же Любомир, никогда не знаешь, что у него на уме... Оно бы лучше в Ордене помощи попросить, но дело спешное, а до Светлограда больше двух седмиц пути, – Ивар задумчиво потеревил бороду,

словно взвешивая сказанное. – Сейчас отдохайте, готовьтесь. Далиа, дашь Лелю хрустальную подвеску, для связи. Таш, подготовь лошадей.

– Хорошо, отец. Какую лошадь подобрать для Ксении? – отозвался один из сыновей Ивара, выходя из-за стола.

Лесник смерил меня быстрым взглядом, внимательно осмотрел мои руки, нервно мнущие льняную салфетку, и ответил:

– Думаю, ей подойдет Кора. Она спокойная и выносливая, сюрпризов не преподносит.

Таш вышел, вместе с ним ушел один из братьев Сигрид, имени которого я пока не узнала.

– Ну, а я пойду, припасов в дорогу соберу, – кивнула Далиа, поднимаясь с лавки.

Я отрешенно смотрела перед собой, обдумывая сказанное Иваром. По всему выходило, что вернуться будет не так просто, как уверяла меня Сигрид. Странные маги – и в чем заключалась их странность? Почему лесник уверен в столичных чародеях, а к провинциальным относится с подозрительностью? Они что, враждуют между собой? Или те, кому не повезло служить при дворе мелко мстят местному монарху, мухлюя и обдирая его наивных подданных? Подбивают вассалов не платить налоги и вообще отделиться и стать отдельным государством? Ну и что? При чем тут я? Какое дело местным политикам до какой-то девчонки? Правильно, никакого. Как и мне до них. Все, чего я хочу это просто вернуться домой, и не важно, кто – придворный или провинциальный маг – будет колдовать, главное, чтобы результат был!

Отложив истерзанную салфетку, я удрученно вздохнула и случайно взглянула на знак, висящий на стене, для удобства мысленно поименованный иконой. Жуткий оскал впечатлял. Взгляд зверя будил лишь одно желание – бежать из этой комнаты куда подальше, столько в нем было ярости. Если эта штука действительно способна насылать вещие сны, то одному богу известно, что приснится мне этой ночью.

«А если между моими снами и сном Ивара есть какая-то связь? – вздрогнула я от сумасшедшей догадки. – Он ведь тоже повторялся... Или я зря себя взвинчиваю?»

Напрасно я убеждала себя, что сны – штука непредсказуемая, и одному богу известно, где, в каких мирах бродит душа, пока тело нежится в уютной постели. Сон, пересказанный Иваром, чем-то отзывался в моей душе и заставлял сердце сжиматься в предчувствие чего-то как минимум неприятного.

– Сигрид, – не выдержав напряжения, наклонилась я к девушке, – давай выйдем на улицу, мне покурить надо.

– Опять будешь глотать тот вонючий дым? – так же шепотом спросила Сигрид, смешно сморщив нос.

– Ага, что-то мне не по себе от рассказа твоего отца и истории с моим перемещением. Нутром чувствую – что-то тут не так, а связать все вместе не получается. От мыслей скоро голова закипит. Когда покуришь, оно вроде как полегче становится, мозги проветривает, – смущенно отозвалась я, направляясь к двери.

– Ну, а когда палочки эти твои закончатся, что ты будешь делать? Как станешь мозги проветривать? – иронично спросила девушка.

– Блин, хоть ты не начинай! – возмущилась я. – Дома мама с папой лечат, и ты туда же. Вот когда кончатся, тогда и думать буду. Скорей всего вынужденно избавлюсь от вредной привычки.

Мы вышли во двор, и я, облюбовав огромный пенек неподалеку от веранды, закурила. Сигрид встала так, чтобы на нее не попадал дым, и вдруг радостно улыбнулась:

– Знаешь, а я все-таки рада, что ты к нам попала, – выпалила она и, заметив, как вытянулось мое лицо, поспешила успокоить. – Нет, я не тому радуюсь, что с тобой случилась такая неприятность! Просто здорово, что в моей жизни произошло что-то интересное.

Я усмехнулась, качая головой. Если бы мне довелось столкнуться с пришельцем из другого мира, неизвестно, кто из нас двоих громче вопил: я от восторга, что могу прикоснуться к чему-то необычному, или он, бедняга, от ужаса, что попал в переплет.

– Я поняла, о чем ты. Предвкушение приключения. Только для меня это совсем не то же самое. Мои родители наверняка с ума от беспокойства сходят, – грустно вздохнула я, представляя, как отец и мама, не найдя меня утром в комнате, расспрашивают всех моих знакомых, куда я пропала. И никто ничего им ответить не может. Даже Митька, видевший меня последним.

– Жаль, что ты никак не можешь их предупредить. Да не расстраивайся! Завтра поедем в город, найдем колдуна, и он отправит тебя обратно, – ободряюще улыбнулась Сигрид.

– Ага, ты думаешь, он будет работать за красивые глаза? Держи карман шире! Чем я ему заплачу-то? Вот о чем я не подумала, – вздрогнула я, понимая, насколько влипла. – Просто так даже феи в сказках чудес не делают, их заслужить надо.

На глаза навернулись слезы, и я до боли прикусила губу, чтобы не разреветься от отчаяния.

– Блин, ну почему? Почему это случилось именно со мной?!

– Ксения... Не переживай, мы что-нибудь придумаем, – успокаивающе коснулась моего плеча Сигрид. – Отец прекрасно знает, что маги за так ничего не делают, и я уверена, он даст денег заплатить магу.

– А как я вам долг верну, ты подумала? – хмыкнула я, зло растирая давно потухший окурок о землю, будто именно он был виноват во всех моих бедах.

– Ксения, перестань! Для всех нас твое появление настоящее событие, окупающее все долги. Да за одну возможность прикоснуться к чему-то необычному мы готовы простить тебе любой долг! – воскликнула девушка.

Я удивленно уставилась на нее, поразившись странному альтруизму местных жителей. Дать денег чужому человеку, попавшему в беду – это совершенно не вязалось с моими принципами: всегда платить по счетам, не брать в долг, если не уверена, что смогу вернуть вовремя, и тем более не одалживать малознакомым людям. А тут вот так сразу – отец даст денег! Да откуда они у простого лесника?! Можно подумать, местный король оплачивает его труд полновесным золотом.

– Сигрид, ты понимаешь, о чем говоришь? Дать денег чужаку – да мне совесть не позволит их взять! – воскликнула я, понимая, что выкручиваться придется самостоятельно.

– Хорошо, не бери, – обиделась девушка. – Я сама возьму, и как только маг отправит тебя домой, расплачусь с ним.

– Вот заладила, – покачала я головой, не желая вступать в бессмысленный спор. Да и зачем? Ивар быстро охладит пыл дочери, объяснив простую истину: помогать надо, но в пределах разумного. Проводить, помочь найти того, кто вернет меня домой – это да, но договариваться с магом только моя забота. Как ни жаль расставаться со своим Самсунгом, но я уже решила, что отдам его магу в качестве платы. На Земле он стоил хороших денег, и копить на него пришлось не один месяц. Оставалось надеяться, что чародея заинтересует иномирная диковинка.

– Ксения? – окликнула меня Сигрид и слегка встряхнула за плечи.

– Тут я, – угрюмо буркнула я, вынырнув из водоворота невеселых мыслей. – Думаю, как убедить колдуна, что я действительно из другого мира.

– Вот в чем он не усомнится, так это в том, что ты здесь чужая, поверь мне! – засмеялась Сигрид. – Стоит тебе заговорить и сразу понятно, что ты не местная.

– Что ж, будем надеяться, что мои речи его убедят, – вздохнула я.

Сигрид порылась в сундуке и нашла для меня запасную одежду. Мы укладывали вещи в сумки, когда в комнату тихонько постучали.

– Войдите, – рассеянно отозвалась девушка.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул один из братьев Сигрид. Тот самый, что рассматривал меня во время обеда, кажется Лель.

– Вы все еще собираетесь? Может, картошку испечем? Ребята уже костерок запалили.

Предложение провести вечер у костра, в окружении будущих спутников по путешествию, было заманчивым и в тоже время смущало. Смущало меня то, что из девушек в компании окажемся только мы с Сигрид. Но так как она не представляет для парней интереса, то все внимание, и как необычной гостье, и как девушке, будет оказано мне, любимой. И все бы ничего, будь их двое-трое, но почти десяток братьев, каждый из которых с неподдельным интересом заглядывался на меня с первой минуты встречи – это перебор! И особенно этот Лель. Вон как пялился за обедом, чуть молоком не подавилась.

Сигрид вопросительно посмотрела на меня, будто спрашивая мнение. Я неопределенно пожала плечами и, подавив трусливое желание отказаться, предоставила ей самой решать, как провести вечер. Как бы ни хотелось спрятаться в комнате от любопытных взглядов, но лишать девушку наверняка единственно доступного развлечения мне совесть не позволяла. В конце концов, она и так большую часть дня со мной провозилась, и еще неизвестно сколько еще будет опекать. Очень хотелось верить, что недолго.

– Иди, Лель. Мы спустимся позже, – приняв мое молчание за согласие, ответила девушка.

Дверь тихонько закрылась, и мы уставились друг на друга.

– Вот уж не ожидала, что братишки придут звать на вечерний костер, – удивленно покачала головой Сигрид. – Ведь они из-за тебя так стараются. Обычно мы, не сговариваясь, собираемся.

– Может, не пойдем? Что смущать молодых и неженатых моим присутствием? – неуклюже попыталась увильнуть я.

– Да ладно, пусть посмущаются, сами напросились, – засмеялась Сигрид. – Кстати, Лель на тебя засматривается больше, чем все остальные, – лукаво улыбаясь, добавила она.

– Ну, вообще весело. Мне сейчас только поклонника для полного счастья не хватает, – досадливо морщась, проворчала я.

Перспектива заполучить в попутчики вздыхающего по моей скромной персоне провожатого как-то не вдохновляла. И дело было не в том, что эти вздохи и ухаживания отвлекали бы меня от дела, а в том, что я просто не знала, как себя вести с оказывающим мне внимание братом Сигрид. Лель не просто красивый парень, он мой провожатый, будущий помощник. В конце концов, он просто чужой. И я здесь чужая. Я уйду, а он останется с разбитым сердцем. Не хочу платить этим людям такой монетой. Значит, придется быть очень осмотрительной, взвешивать каждое слово, чтобы ни один из братишек Сигрид не принял желаемое за действительное и не увлекся мною всерьез.

– Просто я подумала, что ты, возможно, останешься у нас, если Лель, или кто-то из мальчиков, тебе понравится, – тихо сказала Сигрид.

Я ошарашено уставилась на нее, не понимая, шутит она или говорит на полном серьезе. Девушка смущенно улыбнулась и прикусила губу, сообразив, что сказала что-то не то.

– Сигрид, пойми, если бы меня никто не ждал дома, я и в этом случае не осталась! – кое-как справившись со ступором, терпеливо стала объяснять я. – Я ведь чужая здесь. Этот мир живет по своим законам, о которых я не имею ни малейшего представления. Нет, я должна и хочу вернуться домой! Там родители, друзья, есть интересная работа, все понятно и знакомо, а здесь... Что ждет меня здесь? Жить в лесу, копать в грядках, стирать, убирать и готовить на толпу мужиков – извини, как-то не вдохновляет. Я городской житель, привыкший к благам цивилизации.

Я не заметила, как стала беспокойно мерить комнату шагами, от стены до стены, теребя рукав рубашки.

– Но и здесь ты могла бы жить в городе, – возразила Сигрид.

– И что я там буду делать? – усмехнулась я. – И знаешь, меня начинает напрягать, что и там, и тут меня пытаются кому-нибудь сосватать! Там мама Митьку в мужья навязывает! Тут ты... Как сговорились! Не готова я сейчас выходить замуж, ни за кого, даже за принца на белом коне с приданым в полцарства!

– Знаешь, я тоже замуж не хочу, – неожиданно призналась Сигрид.

Я с сочувствием посмотрела на нее и вздохнула. Да уж, ее-то как раз и ждала та самая судьба, которую я только что так яростно отрицала – жизнь в лесу со всеми «приятными» приложениями.

– Я мечтаю удрать из родительского дома, побродить по свету и найти в нем свое место, – объяснила Сигрид. – И то, что тебя нашла именно я, это как дар богов, которые услышали мои желания и снизошли до их исполнения. Знала бы ты, как я рада, что отец и меня отпускает в город – словами не передать. Ведь это мое первое самостоятельное путешествие, без родительского присмотра! Ты извини, что я лезу со своим сватовством, и в самом деле глупо это.

– Да ничего, забыли, – улыбнулась я. – Мы все собрали, как думаешь? Может, пора присоединиться к твоим братьям? И обещаю, на Леля я обращу внимание, но не так, как тебе хотелось бы. Я постараюсь с ним просто подружиться. И с остальными тоже.

Сигрид загадочно улыбнулась и направилась к двери, покачивая головой.

– Что смешного я сказала? – мгновенно насторожилась я.

– Нет, ничего, – увильнула она от ответа. – Идем, а то Веслав скоро петь начнет.

– Петь? Вы так себя развлекаете – поете у костра?

– Да, вечерами в лесу других развлечений нет, – пожалала плечами Сигрид.

На опушке, там, где лес сдавал позиции, и в свои права вступала степь, пылал костер, вокруг которого сидели или полулежали братья Сигрид. Мы неспешно шли на этот огонек, минуя дубы, окружающие дом. Я снова закурила, заставив Сигрид брезгливо поморщиться. Ничего, пусть уж потерпит немного – в пачке оставалось чуть больше половины сигарет, скорей всего они закончатся завтра к вечеру, а потом... Эх, тяжело мне придется.

Небо над степью украсилось россыпью крупных, ярких звезд. Созвездия, в которые они складывались, были не знакомы, и вообще мне казалось, что на Земле звезды совсем не такие. Поменьше, наверное. Между ними плыла луна, полная, желтая, этакий блин, повисший над землей. Дневной зной сменился приятной прохладой, пахло травой и земляникой. Еще прелой листвой, чей терпкий аромат приносил со стороны леса легкий ветерок. Я любила такие ночи. Что-то в них было, какое-то необъяснимое очарование, когда душа наполняется предвкушением чего-то необыкновенного, романтического, и сердце екает в ожидании чуда.

При нашем появлении братья подвинулись, освобождая место у костра. Я снова поймала на себе внимательный взгляд Леля и еще пары парней, и невольно поморщилась. Все остальные смотрели с давешним любопытством и не более. И слава богу! Не хватало, чтобы все они стали проявлять ко мне повышенный интерес.

Лель, сидевший напротив, встал, обогнул костер и вручил нам кружки. Я принялась – запах напитка походил на пивной, с приятной, чуть уловимой ноткой меда.

– Это пиво? – спросила я Сигрид и, пробуя, пригубила напиток.

– Да, – опередив сестру, ответил Лель. – Как тебе, нравится?

И пристально посмотрел мне в глаза.

Я выдержала его взгляд, и с дружелюбной улыбкой, без капли кокетства, ответила:

– Неплохо. Пожалуй, даже лучше нашего.

Дома я пробовала пиво всего пару раз, и оно меня, мягко сказать, не впечатлило. Но этот напиток – совсем другое дело: мягкое, бархатистое местное пиво оказалось приятным на вкус, и оставляло на языке едва уловимую горчинку. Его хотелось смаковать, наслаждаться каждым глотком. Вот только когда-то точно так же мне хотелось смаковать и шампанское... Чем это в

итоге кончилось, я старалась не вспоминать, и сейчас, улучив момент пока никто не смотрит в мою сторону, выплеснула содержимое кружки в траву. Кто его знает, это иномирянское пиво, может, оно бьет в голову почище шампанского, а голова сейчас как никогда нужна мне трезвой.

– Ксения, расскажи про свой мир, пожалуйста. Ты обещала, – попросила Сигрид.

Я задумчиво почесала бровь, не зная с чего начать.

– Мой мир внешне похож на ваш, – собравшись с мыслями, заговорила я. – В том смысле, что у нас растут те же деревья, трава и цветы. Думаю, я не сильно ошибусь, сравнивая нашу флору и фауну...

– А что это, флора и фауна? – спросил Таш.

– Так у нас научным языком зовут растительный и животный мир: флора это то, что растет из земли – деревья, кусты, трава, а фауна это животные. Понимаете?

– Да, – отозвался Лель.

– Что ж, отлично, я продолжу. Так вот, мир, в котором я живу, называется Земля. Это планета, она круглая, крутится вокруг своей оси и обращается вокруг солнца. На Земле, как и здесь, есть моря и океаны, континенты и острова, реки и озера, – я взяла прутик и стала рисовать схему солнечной системы, потом Землю, на которой постаралась более-менее точно нарисовать хотя бы континенты.

Я рассказывала о народах и расах, о государствах, о том, что в некоторых странах у нас тоже сохранилась монархия, правда, как дань традиции. Ребят это озадачило, как и разделение людей на расы по цвету кожи. Как выяснилось, в Полевии понятие рас имело иной характер, разделяя не людей, а разумных существ вообще. К разумным существам относились гномы, эльфы, представители некоторых племен троллей и орков и, собственно, сами люди. Я ненадолго замолчала, переваривая полученную информацию. Все-таки, при сравнении наши миры оказались не так уж похожи. Обитающие здесь существа на Земле оставались героями легенд и сказок, и у меня появилась реальная возможность увидеть их воочию. Вот только почему-то этот факт меня совсем не обрадовал.

Рассказывая о наших городах, о небоскребах, подпирающих собой облака, подобно горным вершинам, я пыталась представить себе города Полевии, но сознание почему-то упорно подкидывало какие-то мрачные пейзажи с серыми, примитивными строениями, больше походившими на полуразрушенные доисторические замки, раскопанные трудолюбивыми археологами. Что ж, скоро узнаю, как же на самом деле выглядят местные города.

Не забыла я упомянуть и о том, что лошадей для путешествий мы давно не используем, а ездим на машинах, автобусах и поездах, летаем на самолетах.

– У вас что, совсем нет лошадей? – удивилась Сигрид.

– Нет, почему же, есть, – смутилась я. – Просто на машине путешествовать быстрее и удобней, а лошади либо остались в деревнях, либо их используют на торжественных парадах и скачках.

Сигрид расспрашивала о земной моде, ребят больше интересовали машины и оружие, о котором я имела весьма поверхностное представление.

Наконец поток вопросов иссяк, и я замолчала, переводя дух. Веслав, воспользовавшись паузой, обнял инструмент, очень похожий на земную гитару, коснулся длинными пальцами струн и запел чистым, хорошо поставленным голосом о звезде, упавшей в руки пастуха. Я невольно заслушалась, глядя на пляшущие языки пламени, а когда подняла глаза, то заметила, что Веслав смотрит на меня. Он улыбнулся и коснулся струн в последнем аккорде.

Пользуясь минутной передышкой, я украдкой рассматривала братьев, поражаясь их сходству: все высокие, как на подбор, жилистые. Лица узкие, черты – четкие, удивительно правильные, в свете костра, удлинившим тени, ставшие более резкими. И все как один носили длинные волосы, забранные в низкий хвост. То ли мода тут такая, то ли им так было удобно, но выгля-

дело это почему-то красиво и не вызывало раздражения. Все – выражение лиц, расслабленные позы – придавало им сходство с прилеглими отдохнуть хищниками.

«Волками... – мелькнула испуганная мысль, заставившая меня поежиться. – Они похожи на волков. И поклоняются волку. Надеюсь, они в них не перекидываются? Что ж, скоро узнаю».

Ночь катила по небу луну. Полную, но никто из сидящих у костра не выказывал никакого беспокойства, и превращаться в зверя явно не собирался. Я немного успокоилась, а вскоре и вовсе забыла о своих страхах, очарованная красотой ночного неба. Падали звезды, вспарывая темноту недолговечными росчерками огненных стрел. В траве пели цикады, где-то неподалеку устроили полночный концерт лягушки. В лесу ухала сова, а может и филин, я их никогда не отличала друг от друга. Было довольно тепло, и от предложенной Лелем куртки я отказалась. Впрочем, он все равно накинул ее мне на плечи. А ведь он решительно настроен меня очаровать! Похоже, если я и в самом деле застряну в этом мире, проблем с определением у меня не будет: парень всерьез намерен взять быка за рога. Вот уж воистину средневековье: понравилось – должно стать моим и точка! Как я ни старалась быть максимально корректной и никак его не провоцировать, ничего не помогло – Лель продолжал настойчиво оказывать мне знаки внимания, ненавязчиво ухаживать: то пива подольет, то картошку достанет и остудит, теперь вот куртка. Ну, что мне с ним делать? Неужели сам не понимает, что все это зря, впустую потраченное время?

Я наклонилась к Сигрид и шепнула ей на ухо:

– Он во всем такой настойчивый?

– Кто, Лель? Да, так что зря ты надеялась просто с ним подружиться, – усмехнулась Сигрид.

– Раньше не могла сказать? – возмущенно прошептала я. – И что мне с ним делать? Может, уйдем спать, а то еще что-нибудь придумает, прогуляться при луне, например.

– Поздно, Ксения, он не просто так куртку на тебя накинул. Во-первых, дал понять Тови и Веславу, что им тут делать нечего, он никого к тебе не подпустит. Во-вторых, именно сейчас он собирается взять тебя за руку и увести с поляны. Ты разве не видишь, как он тихонько со всеми прощается?

Я вздрогнула и украдкой оглянулась. Да, действительно, Лель ненавязчиво, за разговорами, переходил по кругу, пожимая братьям руки. Тови и Веслав, хмурясь, кивнули, когда он наклонился к ним и что-то тихо и быстро сказал. В глазах Тови я заметила досаду, Веслав вообще резко рванул струны своего инструмента, извлекая из него не слишком приятный звук.

– Сигрид, пока не поздно, уходим и быстро! – зашипела я разъяренной кошкой и потянула ее за руку. Она же, в свою очередь, усадила меня обратно и спокойно ответила:

– Прогулка тебя ни к чему не обязывает. Напротив, ты сможешь объясниться с Лелем, сказать, что не собираешься отвечать на его чувства. Тем более, наш уход ничем тебе не поможет, он просто догонит нас, и тебе, волей-неволей, придется с ним прогуляться. Ну, разве я не права?

– Права, только я не хочу объясняться с твоим братом, – так же шепотом возразила я, поражаясь ее мудрости и рассудительности.

– Почему? – удивилась Сигрид.

– Потому что. Ибо это есть великий соблазн слететь с катушек, – подняв указательный палец, процитировала я одного своего приятеля.

– С каких катушек? – не поняла она.

– Сигрид, ну как ты не понимаешь! Если обаяние твоего брата прямо пропорционально его... хм... внешнему виду, то для меня эта прогулка может закончиться потерей бдительности и внезапной влюбленностью. Оно мне надо?.. Ну вот, пока мы припирались, он уже со всеми попрощался и идет сюда, – я прикусила губу и уткнулась Сигрид в плечо. – Давай уйдем, пока не дошел, а?

Чья-то рука коснулась моего плеча. Я лишь сильнее прижалась к Сигрид, жалея, что вообще согласилась прийти на эту злополучную поляну. Девушка тихонько отодвинула меня, и я обиженно посмотрела в ее смеющиеся глаза.

– Иди, глупая, – беззвучно шевельнулись ее губы.

Я медленно оглянулась и уставилась на руку, сжимающую мое плечо: рука как рука, большая и загорелая. Белый шрам пересекает кисть от большого пальца и исчезает под рукавом рубашки. «Шрамы – главное украшение мужчин», – мрачно подумала я и, переведя взгляд выше, встретилась с взглядом Леля.

Лучше бы я Митьку потерпела... От того увальня можно было уйти, не особо пострадав. Подумаешь, пара поцелуев, зато не попала б сюда, как кур в ощиц!

В глазах Леля читалось все то же сдержанное любопытство и что-то еще, чему я не могла найти определения. Наверное, потому, что так на меня еще не смотрели, и это неизвестное «так» завораживало и пугало. Пугало до дрожи в коленях. Чувствуя себя беспомощным кроликом, угодившим в лапы кровожадному волку, я медленно поднялась, глядя снизу вверх в глаза Леля. Он был высок, я едва доставала ему до плеча. Белокурые волосы серебрились в свете луны, волной ложась на широкие плечи. Лицо Леля осветилось мягкой улыбкой, заставившей мое сердце сладко сжаться в предчувствии чего-то жуткого. Или волшебного. Смотри, с какой стороны подойти к этой ситуации.

«А теперь, по закону жанра, самое время сомлеть от избытка чувств и упасть в объятия благородного рыцаря», – мелькнула ехидная мысль, мгновенно прояснившая мое сознание.

Раздраженно тряхнув головой, я вывернулась из рук мужчины, посмотрела на него с вызовом и гордо вскинула голову, давая понять, что его улыбки на меня не действуют и ловить ему тут нечего.

Улыбка Леля слегка поблекла, потом исчезла вовсе, будто ее стерли ластиком. На меня смотрел человек, принявший мои правила игры – кто кого. Не сводя с меня разом похолодевшего взгляда, Лель взял меня за руку и увел с поляны. Только тогда я заметила, что все это время вокруг нас стояла напряженная тишина: никто, ни Сигрид, ни остальные братья не проронили ни слова, наблюдая наш безмолвный поединок.

Я шла рядом с Лелем, спиной чувствуя взгляды оставшихся у костра, и мысленно честила Митьку на все корки, заодно и себя не забыв наградить парочкой нелестных эпитетов, среди которых «дура» было самым невинным и мягким.

Войдя в густую тень, скрывающую нас от посторонних взглядов, Лель остановился. Сквозь кроны дубов сочились тонкие лунные лучики, призрачные и таинственные. Один из них запутался в волосах Леля, придавая и без того недвусмысленной ситуации неповторимую романтическую атмосферу. В другой раз я бы по достоинству оценила всю эту романтику, но сейчас мне хотелось лишь одного – удрать. Вот только бежать было некуда.

Вырвав руку из ладони Леля, я попяtilась и угрюмо уставилась на него, показывая, что не в восторге от его выходки. Он будто и не заметил моего недовольства, смерил цепким взглядом с головы до ног, который при другом раскладе заставил бы меня покраснеть до слез.

– Ты красивая...

– Что? – опешила я.

– Ты красивая, – повторил он. – Не похожа на наших девушек.

Пока я, огорошенная комплиментом, собиралась с мыслями, Лель заливался соловьем, воспевая мой тонкий стан, чудесные пепельные кудри и зеленые глаза, осветившие, подобно путеводной звезде серость его будней. Невольно я заслушалась, завидуя полевынкам: их мужчины прекрасно знали цену комплинтам и не скупилась на них. Во всяком случае, Лель не скупился. Оставалось только удивляться, где он углядел красоту: потрепанная, без косметики, в одежде с чужого плеча, висящей на мне мешком, я скорей походила на пугало.

«Он что, пытается меня охмурить, пока я не очухалась? – изумилась я. – Думает, от страха я ничего не соображаю?»

Так оно, скорее всего, и было: парень решил ковать железо, пока горячо, то есть, действовать наверняка, пока шок от перемещение между мирами не прошел!

– Так, стоп! – зло оборвав Леля, я с трудом удержалась, чтобы не наговорить ему резких, обидных слов.

– Я что-то не то сказал? – сдержанно спросил он и шагнул ближе, вынудив меня отступить.

– Лель, давай-ка расставим все точки над «ё», – стараясь держать себя в руках, заговорила я. – Не хочу тебя огорчать, но весь этот цирк с гулянием под луной – напрасно потраченное время. Завтра мы едем к магу, и ты – мой сопровождающий, не более того. Если тебя что-то не устраивает – оставайся дома, окей? Я понятно объяснила?

– Вполне, – усмехнулся Лель и, смерив меня задумчивым взглядом, твердо закончил. – Но я не отступлюсь.

– От чего?

– Ты умна и прекрасно поняла, о чем я говорю.

Понимать-то я понимала, только никак не могла взять в толк, зачем ему, красивому парню, у которого, наверняка, нет недостатка в поклонницах, тратить время на меня, наперед зная, что тратит его напрасно. Из спортивного интереса? Из желания обскакать остальных братьев и доказать, что он быстрее, выше, сильнее? Круче? Впереди планеты всей?

– И зачем тебе это надо? – спросила я, пряча любопытство за иронией.

– Я женюсь на тебе. Завоюю твою любовь и женюсь, – пристально глядя мне в глаза, ответил Лель.

Ответ потряс меня едва ли не сильнее его мастерства говорить витиеватые комплименты.

– Ну вот, снова здорова! Еще один претендент на мою руку и сердце. Удивительно, какой высокий нынче спрос на меня как на жену! – натянута рассмеялась я и вкрадчиво спросила, невольно шагнув вперед. – Лель, а ты не думал, что мы можем оказаться настолько разными людьми, что уже через пару дней ты будешь рад от меня избавиться? Что если я покажусь тебе занозой в... э-э-э... причинном месте? И вообще, зачем тебе жена, которая и готовить-то не умеет?

– Я вижу, что ты не заноза, зря пугаешь, – усмехнулся он, делая ответный шаг мне навстречу. – А готовить научишься, не велика премудрость.

Вот такого поворота я не ожидала. Обычно считается, что лучшая защита, это нападение, но с Лелем этот фокус не прошел. Не спасла меня и шокирующая правда – признание в кулинарном бессилии. А ведь эта ловушка всегда выручала меня от нежелательных ухажеров, и бежали они куда подальше – только пятки сверкали! Воевать дальше оставались самые стойкие, и держались ровно до тех пор, пока я делом не доказывала, что не врала.

Мы стояли совсем близко, буравя друг друга испытующими взглядами, и неизвестно, чем бы закончилась игра в гляделки, если бы не Ресс. Неожиданно вынырнув из кустов, пес радостно залаял и бросился мне на спину, таким оригинальным способом выражая восторг от встречи. Я не удержалась на ногах и, взмахнув руками, с воплем упала Лелю в руки. Он был только рад принять меня в свои объятия: зарылся лицом в волосы, прижал к себе, и я невольно притихла, понимая, что дергаться бесполезно – Лель не отпустит. Ресс с самым бессовестным лаем носился вокруг нас, пока Лель не шикнул на него и не прогнал на место. На миг его руки разжались, и я, пользуясь моментом, попыталась высвободиться. Не тут-то было, Лель снова сомкнул объятия, не позволив мне сбежать. Наклонился, заглядывая в глаза. Темная глубина его глаз затягивала, гипнотизировала, подчиняла. От него вкусно пахло медом и чем-то терпким, древесным. Диким, опасным, и в то же время таким уютным и домашним. Я перестала

трепыхаться, и замерла, ожидая непонятно чего. Губы Леля были так близко, почти касались моих губ поцелуем, и я хотела этого поцелуя, хотела...

Внезапно он отстранился и бесстрастно сказал:

– Спать пора, завтра выйдем пораньше.

Я была потрясена и немного разочарована: он что, передумал? Дает время привыкнуть к нему? Или все намного проще и тут не принято целоваться на первом свидании? Если последнее верно, то придется выбирать: терпеть Леля в дороге или попросить Ивара оставить его дома и, скорее всего, совсем остаться без помощи.

Лель проводил меня до комнаты Сигрид и сразу ушел.

«Хоть бы спокойной ночи пожелал для приличия», – фыркнула я и, шагнув через порог, тихонько прикрыла дверь. Привалилась к косяку и удрученно вздохнула.

– Дурдом...

– Ксения? – позвала из темноты Сигрид.

Я вздрогнула:

– Ты еще не спишь, ждешь новостей?

– Я знала, что долго он тебя держать не будет, потому и решила дожждаться, пока ты вернешься. Расскажи, как вы поговорили, – попросила Сигрид, зажигая свечу.

– Да никак... Я честно предупредила, что хочу вернуться домой, а он ответил, что не отступится и сделает все, чтобы я осталась. Скажи, что он пошутил, пожалуйста! Если он будет продолжать в том же духе, я, боюсь, наделаю глупостей, – взмолилась я.

Сигрид, довольно улыбаясь, отрицательно качнула головой.

– Он не шутил. У нас тут в пяти верстах деревенька есть, мы там молоко покупаем, и братишки частенько туда навещают. У Эйрика и Белогора есть невесты из местных девушек. Все мальчишки уже заводили подружек из той деревни, один Лель ездит туда просто за компанию. Я знаю, мне Тови рассказывал, девчонки заглядываются на него, когда он снисходит до гуляний, строят глазки, в общем, всячески привлекают его внимание, а он будто ничего не замечает. Я как-то спросила Леля, почему у него до сих пор нет девушки, а он усмехнулся и ответил, что глупое хихиканье и дурацкое кокетство ему даром не нужны, – рассказывала девушка. – Может, он ждал такую как ты, таинственную незнакомку?

Я только поморщилась в ответ на ее шутку. Тоже мне, нашел таинственную незнакомку.

– Он хочет жениться. На мне, – угрюмо буркнула я, с досады стукнув кулаком о дверной косяк. Косяк выдержал, зато я охнула от боли, пронзившей в кисть.

– Ого! Он так сказал? – восторженно воскликнула девушка, невольно поднявшись с кровати.

– Да. Но хватит об этом, нам и в самом деле не помешает выспаться, если завтра вставать ни свет, ни заря, – все еще потирая ушибленную руку, проворчала я.

– Я постелила тебе, ложись. Кровать узкая, так что я заночую в комнате близнецов, – зевнула Сигрид и пошла к двери.

– А дверь запирается? – забеспокоилась я.

– Нет, зачем? – удивилась девушка. Потом внимательно на меня посмотрела и засмеялась:

– Не бойся, Лель не станет тебя беспокоить!

Я смутилась и начала раздеваться.

– Приятных снов, Ксения. Пусть добрая Элехнэ раскинет над тобой свой шелковый платок и дарует добрые сновидения, – улыбнулась Сигрид.

– Элехнэ это тот волк, что висит над камином? – насторожилась я.

– Нет, то, что ты видела над камином, всего лишь часть щита Луафела, нашего предка.

– Да? Тогда почему вы ему молитесь? – растерялась я.

– Мы не молимся, а чтим его память и просим благословения и заступничества перед богами, – терпеливо объясняла девушка.

– Понятно... А кто тогда Элехнэ?

– Элехнэ – богиня добрых снов. Считается, что если попросить ее раскинуть над кем-то платок, то дурные сны будут обходить тебя стороной.

– То есть, это что-то типа местного пожелания сладких снов и мягкой подушки? – недоверчиво усмехнулась я.

– Подушка мягкая, я взбивала, а Элехнэ позаботится о том, чтобы тебе приснилось что-нибудь хорошее и доброе. По-моему, это как раз то, что тебе сейчас нужно, – убежденно кивнула Сигрид.

– А нельзя ли попросить эту вашу Элехнэ, чтобы она вообще меня не трогала, а то по ошибке наслет не добрые сны, а кошмары? Мне их и дома хватало, – поежилась я.

– Что ты! Элехнэ не насылает кошмаров, плохие сны приносит ее брат-близнец, Рэтхе, – заверила меня девушка.

– Блин, какая очаровательная чушь, – усмехнулась я, стаскивая сапоги. – Просто клонированный Оле Лукойе какой-то. Спорю, что Рэтхе тоже с платками разгуливает, только с черным. Угадала?

– Откуда ты знаешь? – удивилась Сигрид. – И кто такой Оле Лукойе, ваш бог?

– Да что тут гадать. Раз есть тот, кто дарит добрые сны, значит, есть и тот, в чьей власти находятся кошмары. А Оле Лукойе не бог, а маленький человечек из нашей сказки. Ходит по домам, смотрит, как ведут себя дети, и раскрывает над хорошими яркий зонтик, а над плохими – черный. Так и Санта поступает: хорошим на Рождество подарки в носок кладет, а плохим – уголь.

– Разве уголь это плохо? Им же печку топить можно, – не поняла девушка.

– Можно, – зевнула я. – Только детям больше игрушки нравятся, а не печку топить. Спокойной ночи, Сигрид. И это, пусть твоя Элехнэ дарует тебе сладкие сновидения, а меня оставит в покое.

– Так нельзя говорить! Отказываясь от дара Элехнэ, ты вверяешь свои сны Рэтхе, – посуговела Сигрид.

– Ладно, ладно, я поняла. Пусть будет Элехнэ с пестрым платком, – согласилась я к явному удовольствию девушки и на всякий случай уточнила: – Твой братец точно не ввалится среди ночи с предложением согреть постель?

– Точно! Можешь не беспокоиться.

Похихикивая, Сигрид вышла из комнаты и тихо прикрыла дверь, оставив меня наедине со своими мыслями.

Присев на кровать, я озадаченно рассматривала оставленную для меня длинную сорочку, и никак не могла решиться надеть ее. И дело тут было не в брезгливости, а в неприязни к ночным рубашкам вообще. Дома я спала в пижамах, предпочитая их кружевным шелкам, вечно норовящим задраться и обвиться вокруг шеи. Но сейчас о своих капризах приходилось забыть и довольствоваться тем, что дают. Или спать голышом, что не очень разумно при незапертой двери.

– Спать придется по стойке «смирно», – переодевшись, проворчала я и, задув свечу, юркнула под одеяло.

В окно заглядывала луна, заливая комнату серебристым призрачным светом. Все вокруг дышало покоем. Утомленный дневными заботами мир засыпал, укрывшись звездным покрывалом теплой ночи. Этот странный мир, в который меня непонятно как занесло... Зачем я здесь? Как и почему попала в Полевию? Случайно, по ошибке перепутавшего заклинания мага, или меня вырвали из моего мира и перенесли сюда намерено? В последнее как-то не верилось.

То есть, я попросту гнала от себя мысль о чем-то умысле, злом или добром, ехидно высмеивая саму себя только за то, что вообще допустила ее появление. Да кому я нужна, в самом деле?

Вздыхнув, я закрыла глаза и попыталась выбросить из головы мысли о сегодняшнем дне. Они не спешили покинуть голову, цеплялись друг за дружку, водили хороводы предположений, одно безумнее другого, норовили свести с ума. Напрасно я прятала голову под подушку, словно под ее сомнительной защитой могла укрыться от мелькающих образов Сигрид с луком за плечами, волчьего оскала, украшавшего щит Луафела, Леля, бросающего на меня пристальные взгляды.

– Ну же, Элехнэ. Давай уже, раскинь свой пестрый платок... А лучше сделай так, чтобы я сейчас проснулась и поняла, что все это просто сон. Дурной сон.

Уж не знаю, то ли просьба к местному божеству помогла, то ли усталость все-таки взяла свое. Ненавязчивая дрема, вытесняя все тревоги и волнения дня, накатила незаметно, ласково смежила веки, и я наконец уснула.

Вокруг раскинулась широкая цветущая степь, и я бежала по ней, едва касаясь ногами земли. Странно, но я понимала, что это сон, и радовалась, что хотя бы в этот раз вместо кошмарной тьмы вижу такое яркое сновидение. Было хорошо, легко, беззаботно. Смеясь, я упала в густую траву и уставилась в глубокое голубое небо, сорвала травинку и с удивлением обнаружила, что испачкала ладонь зеленым соком. Медово пахло цветущими травами. Высоко в небе посвистывали невидимые пичуги. Солнце, как и положено во сне, не слепило. Пробегающие облака не давали даже намека на тень: легкими мазками, на мгновение, закрывали собой светило и уносились вдаль.

Внезапно радужная картинка как по волшебству помрачнела. Я поняла, что стою на краю утеса, а вокруг возвышаются увенчанные снежными шапками горы, утопают в пугающем чернильном море туч. Ревущий ветер пытается сбросить меня в пропасть, и я борюсь с ним из последних сил, отступая подальше от осыпающейся щебнем пропасти, туда, где горные вершины берут в кольцо широкую котловину, засыпанную снегом... Туда, где из пещеры медленно выползает клубящееся облако тьмы. Вот оно на мгновение замирает, и вдруг начинает пульсировать, как огромное черное сердце. Размеренная пульсация сменяется жутковатым шевелением, будто в пузыре мрака прячется что-то огромное и вот-вот выберется наружу. С низкого, затянутого тучами неба, срываются одна за другой ветвистые молнии, и облако лопается, расплескивая по камням черные ошметки. Ярящийся ветер швыряет в лицо снегом, не давая рассмотреть то, что осталось на месте лопнувшего «сердца», но все-таки я успеваю увидеть черного дракона, расправляющего могучие крылья...

Глава 4. Пламя на кончиках пальцев

или не буди лихо, пока спит тихо

Задыхаясь, я подскочила в постели. В пересохшем горле застрял крик ужаса, сердце билось пойманной птицей. Казалось, еще немного и оно лопнет от страха.

– Ёлки, что за чертовщина мне приснилась? – затравленно озираясь, пробормотала я онемевшими губами.

Только-только начинало светать. В окно лился бледный свет, в небе таяли последние звезды. Ночь отступала, унося с собою пугающие видения, и кошмар нехотя выпустил мое сознание из своих цепких лап. Оцепенение, сковывающее тело и разум, прошло. В памяти медленно всплывали события вчерашнего дня: радужные всполохи, пробуждение в лесу, Ресс, загнавший меня на дуб, Сигрид... Волчий оскал на уцелевшей части щита... Лель... Пожелания доброй ночи и какая-то жуть, вместо радужных снов от Элехнэ.

– Вот тебе и Оле Лукойе с зонтиками, вот тебе и сказочка на ночь. Кажется, эту битву выиграл Рэтхе... Черт!

Стукнула дверь, и в комнату вошла Сигрид.

– Что, уже пора? – проворчала я и выбралась из-под одеяла.

– Пора. Как спалось? Надеюсь, добрая Элехне отгоняла от тебя дурные сны? – улыбнулась девушка. Выглядела она ничуть не сонной, как будто встала уже давно.

Я потеряла лицо вспотевшими от страха ладонями, и ответила:

– Ну, если жуткая тварь считается добрым сновидением, то поставленной цели она, определенно, достигла – страшнее этого сна были лишь те кошмары, что снились мне дома.

– Тебе приснилась тварь? – нахмурилась Сигрид и, не дожидаясь ответа, пустилась в объяснения: – Элехнэ не насылает кошмаров, это ее брат, Рэтхе. Надо было верить, а не насмешничать, тем более, ночью.

– Ой, брось! Еще скажи, что это Оле Лукойе виноват, зонтики в темноте перепутал, – поморщилась я. – Черт, приснится же такое...

– Говорю же, это проделки Рэтхе! – упорствовала Сигрид.

– Угу, а я – Красная Шапочка. Сигрид, ну не верю я во всю эту мистику и магию! Не могу, понимаешь?

– Ничего, со временем привыкнешь, – обрадовала меня девушка.

– Вот спасибо! – укоризненно взглянула я на нее. – Знаешь, я все-таки надеюсь вернуться домой раньше, чем в мою привычку войдет ежевечерняя молитва этой... как ее... Элехнэ! Кстати, у вас водятся драконы?

– Да, – кивнула Сигрид.

– А единороги? – с проснувшимся любопытством поинтересовалась я: раз драконы есть, значит, и это мифическое существо, возможно, бегает по местным просторам.

– И единороги тоже. Увидишь еще. Единорогов так точно по дороге встретим, – ответила девушка.

– Что, в самом деле? – восхитилась я, уронив сапог.

– В самом деле, – засмеялась Сигрид. – А у вас разве они не водятся?

– Нет, у нас миллионы лет назад жили ящеры, чем-то на ваших драконов похожие, но они вымерли отчего-то, так что человечество успешно избежало знакомства с ними. Кости только находят, целые кладбища, – одеваясь, рассказывала я. – А единорогов нет, даже похожих на них животных. О них только в книжках прочесть можно. Я всегда думала, что они просто выдумка, чья-то красивая мечта о необычном красавце-скауне.

Взглянув в маленькое зеркало, примостившееся на каминной полке среди тряпичных мишек, я хмуро уставилась на свою сонную физиономию в обрамлении всклокоченных пепельных кудряшек.

– Да уж, красота – страшная сила... Блин, пугало огородное и то симпатичнее.

– Ничего подобного, – подступаясь ко мне с расческой, возразила Сигрид. – Очень милая девушка, которой надо просто причесаться. Давай помогу прибрать твои волосы.

И ловко заплела мне тугую косу. Получилась она короткой, всего-то с ширину ладони, зато волосы перестали лезть в лицо. Я пытливо заглянула в зеркальце, и какое-то время удивленно рассматривала себя, не веря, что Сигрид смогла укротить мои непослушные кудри.

– Ну вот, – улыбнулась девушка, довольно оглядывая результат. – Теперь у пугала нет никаких шансов выглядеть лучше тебя.

– Спасибо... Здорово получилось! – рассмеялась я, чувствуя себя гораздо увереннее.

Закончив одеваться и приглаживать волосы, я вслед за Сигрид спустилась в большую комнату. Далия уже накрыла на стол, и вся семья готовилась приступить к завтраку.

– Вы всегда так рано встаете? – шепотом спросила я, присаживаясь рядом с девушкой.

– Нет, только сегодня. Нас провожать будут, – так же шепотом ответила она.

Я кивнула и украдкой взглянула на Леля. Он о чем-то негромко говорил с Рэвом, угрюмым, не улыбочивым и явно старшим братом, и в мою сторону не смотрел, что меня более чем устраивало.

Покончив с ранним завтраком, вся семья вышла во двор. Белогор и Веслав вынесли на крыльцо сумки и скатанные в рулоны одеяла, Рэв и Лель, одетые в темную походную одежду, ушли за лошадьми. Оставался последний шанс поговорить с Иваром и попросить его оставить Леля дома.

Улучшив момент, когда все домочадцы разбрелись, и лесник остался один, я робко коснулась его локтя и проямлила:

– Господин Ивар...

– Какой же я господин? – добродушно рассмеялся мужчина. – Зови просто Иваром, не обижусь.

– Э-э-э... Хорошо, – кивнула я и, борясь с онемевшим от волнения языком, продолжила. – У меня к вам просьба...

– Не нужно меня ни о чем просить, я уже обо всем позаботился, – отмахнулся Ивар. – Деньги у Леля.

– Деньги? Какие еще деньги? – растерялась я.

– Полевские нгарры, серебряные, – пояснил лесник, – магу за работу заплатить. Думаю, сотни как раз хватит.

– А если не хватит? – встревожилась подошедшая Сигрид.

– Тогда Лель напомнит старику Любомиру, что он мне кое-чем обязан, – пожал плечами Ивар.

Я, пораженная происходящим, молчала. Причина, вынудившая меня заговорить с Иваром, была благополучно забыта, как и предстоящие в пути проблемы, с нею связанные. Это что же получается, думала я, Сигрид успела поговорить с отцом и выпросить у него денег? И он вот так просто их дал? Чужачке, с которой знаком несколько часов? Почему, черт побери?!

– Извините, но я так не могу, – решительно заявила я, перебив Сигрид, расспрашивающую отца об услуге, оказанной магу Любомиру.

– Не можешь – что? – в один голос спросили отец и дочь.

– Не могу у вас деньги взять. Вы же меня совсем не знаете, и это... Это как-то неправильно!

Лесник разом посуровел и заговорил тоном, не терпящим возражений:

– Девочка, мы не бессердечные люди, и без помощи тебя не оставим. Маг не будет работать бесплатно, а твоя светящаяся безделушка его вряд ли прельстит!

Я смущенно прикусила губу, понимая, что Ивар прав: не стоило недооценивать мага. Он быстро поймет, что телефон не представляет никакой ценности и хорошо, если просто выставит за дверь, а не прикажет бросить в темницу за мошенничество. Эх, кого я пытаюсь обмануть?

– Пойми, – смягчившись, заговорил лесник, – я сам отец, и не хотел бы потерять ни одного своего ребенка, а ведь их у меня одиннадцать! И твои родители, уверен, хотят видеть тебя живой и здоровой. Ты же их единственное дитя, я прав? – уточнил он, и когда я, помедлив, кивнула, продолжил. – И что я должен, по-твоему, сделать? Плюнуть и отвернуться? Прогнать тебя и позволить самой выпутываться?

– Но вы и так немало для меня делаете! – возразила я.

– Святой Маахил, до чего же ты упрямая! – раздраженно проворчал Ивар и отвернулся. Видимо, посчитал, что с такой упертой девицей спорить бесполезно, а пытаться переубедить – никакого терпения не хватит.

Я удрученно вздохнула и, оглянувшись, наткнулась на осуждающий взгляд Далии.

– Элехнэ нечасто является людям, детка, – негромко произнесла она. – Еще реже о чем-то просит.

– Элехнэ? А она-то тут при чем? – не поняла я.

– Она приходила о чем-то предупредить, – красноречиво глядя мне в глаза, ответила Далиа.

– В самом деле? – недоверчиво спросила я, воскрешая в памяти сон, рассказанный Иваром. Ну, странный, да. Даже пугающий, но в чем там предупреждение, я никак не могла взять в толк. Все эти рыбы и птицы с человеческими головами, заживо похороненный старик, волки в лесу – сон Ивара казался полной бессмыслицей. Мало ли что приснится уставшему человеку! Мне вон как-то всю ночь земляника снилась, после того, как мы с Ленкой, вооружившись ведром, целый день ее собирали на солнцепеке, а тут – шутка ли! – весь день в лесу браконьеров ловить. Не мудрено, что потом снится всякая абстракция, а уж человеческое воображение, охочее до чудес, не замедлит найти ей самое что ни на есть божественное объяснение. Вот так и рождаются боги, целые пантеоны, из людских фантазий и страхов. А кто их видел, кроме обкурившихся шаманов? Правильно, никто. Потому что их нет. Я смотрела то на Ивара, то на Далию, и не понимала, как можно быть такими наивными и слепо верить в то, чего не существует.

– Постойте, вы всерьез верите каким-то там снам? Но это же чушь, уж простите за откровенность! – ляпнула я и, поспешно зажав рот руками, виновато посмотрела на Ивара, ожидая как минимум наставительной проповеди, посвященной местному божеству. Про максимум не хотелось даже думать: пинок под зад я вполне заслужила.

Но лесник лишь усмехнулся и с терпимостью, достойной святого, произнес:

– Ты слишком молода, чтобы судить о таких вещах.

Я смущенно молчала, желая лишь одного – провалиться сквозь землю и больше не мозолить глаза этим славным людям. «Блин, ну вот кто тянул меня за язык? – ругала я себя. – Ну, верят, и пусть себе на здоровье... Пусть считают, что я попала под покровительство местного божества, мне же от этого ни холодно, ни жарко! Даже в чем-то выгодно. Главное, чтобы это самое божество не вздумало вдруг материализоваться и потребовать плату за свою услугу».

Последняя мысль заставила меня усмехнуться. Представив торгующегося бога, с дотошностью скупого ростовщика начисляющего проценты, набежавшие на основной долг, я с трудом удержалась, чтобы не расхохотаться – такая забавная картинка нарисовалась в моем воображении.

Тем временем привели лошадей. Пока к седлам крепили сумки и одеяла, я прощалась с Далией и Иваром. Далия обняла меня, шепча слова благословения:

– Пусть легконогий Теурей оберегает тебя в пути, дитя.

Ивар, ободряюще улыбаясь, потрепал меня по плечу и надел на шею кожаный шнурок с уже знакомым символом-подвеской: маленький кругляш с гравировкой в виде миниатюрной волчьей морды.

– Это знак Белого Эллона, он защитит тебя от диких зверей.

– Не поняла... Разве это не герб вашего предка? – удивилась я, рассматривая подвеску.

– Не совсем, хотя и близко к истине, – вмешался подошедший Лель. – По преданию наш предок был воином Белого Эллона. Волк – символ Эллона, поэтому щиты его воинов украшала волчья морда.

– Понятно, – пробормотала я, гадая кто такой этот Эллон, и почему его символ должен защищать меня от зверей.

Подошли Таш, Белогор, Эйрик, Веслав и Тови, поочередно пожали мне руку, желая счастливого пути и скорейшего возвращения домой. Я украдкой взглянула на Тови, негромко говорящего с Рэвом, потом на Веслава, и вздрогнула, поймав на себе его тоскливый взгляд. Поспешно отвернулась, убеждая себя, что мне просто померещилось.

Лель подвел к крыльцу Кору, невысокую по сравнению с остальными лошадьми вороную кобылу. Я с опаской на нее взгромоздилась, сделав неожиданное открытие, что в седле очень даже удобно сидеть. Пока я в нем ерзала, Лель подал мне повод и заметил, что мои ноги не в стремях.

– Ноги нужно ставить вот сюда, – сказал он, вставляя мою ступню в стремя. Со второй я справилась сама, не желая, чтобы Лель снова ко мне прикасался.

Обращаться с поводьями я немного умела: у моего деда был жеребчик, которого запрягали в телегу, вот на нем-то и тренировалась. Но это было давно, смогу ли я теперь управиться с кобылой?

Мы уже были готовы отправиться в путь, когда пес Сигрид, Ресс, до последнего момента с залиvistым лаем нарезавший круги вокруг дома, вдруг заюлил под ногами кобылы, преданно заглядывая девушке в лицо, и помчался в степь. Остановился и оглянулся, поджидая хозяйку, явно намереваясь сопровождать ее в путешествии.

– Ресс, домой! – приказала Сигрид, но пес и не подумал подчиниться, умчался еще дальше, почти исчезнув в высокой траве. – Ну что с ним делать? – в отчаянии воскликнула девушка. – Ресс, немедленно домой! Лель, помоги мне, он совсем не слушается!

– Он думает, что ты с ним играешь, – спешиваясь, сказал Лель и свистнул, подзывая пса.

Над травой, далеко в степи показалась собачья голова. Какое-то время пес словно бы раздумывал, а надо ли возвращаться, потом потрусил обратно и уже через минуту ткнулся носом в подставленную Лелем ладонь, виновато заглядывая ему в глаза. Лель потрепал пса по загривку и негромко заговорил:

– Ты останешься дома, охранять, понял?

Пес заскулил, будто на что-то жалуясь, обхватил лапами сапог Леля и умоляюще посмотрел ему в глаза. У меня отвисла челюсть: Ресс, на свой собачий лад, просил Леля взять его с собой! Но почему его, а не Сигрид? Ведь хозяйка-то она, так почему же он слушает Леля? Или я ошибаюсь, и хозяин все-таки он?

– Нет, малыш, в следующий раз, – засмеялся Лель, высвобождая ногу. – Иди домой, охраняй.

Пес, опустив хвост, покорно поплелся к крыльцу, то и дело обиженно оглядываясь. Я проводила его изумленным взглядом, в душе жалея эту добродушную зверюгу, так напугавшую меня в Лесу, и, крайне озадаченная, смирила Леля задумчивым взглядом. Он ведь не

приказывал. Он его попросил, и пес послушался. А что будет, если Лелю вздумается вот так же попросить меня? Глазом не успею моргнуть, как замужем окажусь?

«Ёлки, ну что за дикие фантазии?! – разозлилась я на себя. – Накручиваю сама себя... Лель просто хороший дрессировщик, вот и все объяснение».

Маленький инцидент был исчерпан, и Рэв развернул всхрапывающего, приплясывающего жеребца в сторону степи. Вслед за ним, как приклеенная, пошла кобыла Сигрид. Я с легкой завистью посмотрела им вслед, пытаясь убедить саму себя, что управлять лошадьёю не сложнее, чем велосипедом, и осторожно потянула повод. Лель, держась на всякий случай рядом со мной, ждал, пока я разверну Кору. С этой задачей я справилась вполне успешно и мысленно поздравила себя с маленькой победой. Кобыла безропотно слушалась поводыря, и вообще, вела себя подозрительно прилично. Воодушевившись, я уже увереннее тряхнула поводьями, и тут же вцепилась в переднюю луку седла, чувствуя, что вываливаюсь. Лель поравнялся со мной, видимо для того, чтобы успеть поймать, если я вдруг начну падать. Но ловить меня не пришлось. Я уперлась ногами в стремя, помогая себе держать равновесие, и худо-бедно выпрямилась.

Тем временем Рэв с Сигрид пустили лошадей рысью и стали быстро удаляться. Высокие травы с легким шорохом расступались перед ними, роняя обильную росу. Я осторожно сжала бока Кору, и она зарысила вслед за остальными лошадьми. Удивительно, управлять кобылой уже не казалось чем-то сложным, сидеть в седле, в отличие от вчерашней поездки на крупе, было гораздо удобнее.

«Привыкаю что ли?» – недоуменно подумала я и тут же поморщилась: каждый шаг кобылы неприятно отдавался чуть пониже спины, грозя нашлапать до невыносимой боли.

Я обернулась и в последний раз взглянула на провожающих: Ивар и Далиа, в окружении сыновей, все еще стояли у крыльца и смотрели нам вслед. Не удержавшись, я помахала рукой, испытывая благодарность к этим милым и таким наивным людям, принявшим мое появление за знак свыше. Оставалось только удивляться своему везению и надеяться, что маг Любомир отправит меня домой: какими бы замечательными ни были эти люди, а возвращаться сюда мне не хотелось.

Ближе к полудню, когда сил уже не было терпеть нарастающую боль в ягодицах, я взмолилась о привале. Ребята понимающе переглянулись и спешили у маленького островка чахлых деревьев. Жидкая тень почти не спасала от палящих лучей, и солнце ощутимо припекало макушку.

Рэв, Лель и Сигрид легко соскочили с лошадей, как будто и не отмахали десяток верст. Я же с трудом, не без помощи Леля, сползла с кобылы, чувствуя, что спина безнадежно затекла, а зад, несмотря на удобное седло, вообще потерял чувствительность.

С трудом устояв на одеревеневших ногах, я передала Лелю поводья и побрела вдоль деревьев, шипя от боли и мысленно грозя открутить голову шутнику, забросившему меня черту на рога. Ребята занялись приготовлением обеда, то и дело бросая на меня сочувствующие взгляды.

Я обошла островок, чувствуя, как к пятой точке постепенно возвращается чувствительность. Ноги постепенно обретали способность двигаться. После второго круга Лель поймал меня за руку и усадил на одеяло, вручив бутерброд и кружку с молоком.

– Как ты? Размялась? – обеспокоенно спросила Сигрид.

– Более-менее. Не понимаю, как вы можете так долго ехать верхом и не уставать? – ответила я, морщась от тянущей боли в мышцах.

– Мы ж с детства с лошадьми, едва ходить научились, – объяснил Рэв, и я невольно вздрогнула, услышав его чуть хриловатый голос. За все время короткого путешествия, он, упорно державшийся впереди маленького отряда, не проронил ни слова. В отличие от общительных Леля и Сигрид, Рэв, с его внимательным, почти подозрительным взглядом и плотно

сжатыми губами, казался угрюмым парнем и вызывал у меня оторопь. – Тебе-то, понятно, тяжело с непривычки.

– Ничего, через пару дней привыкнешь, – убежденно заявил Лель.

– А нам еще далеко ехать? – жалобно спросила я.

– Пару дней до тракта, потом по тракту столько же, – ответил Рэв.

– Так что если ты не привыкла спать под открытым небом, то придется привыкать. Начиная с сегодняшнего дня. Жилья по пути не будет, – обрадовал меня Лель.

– Ого! Так далеко, с ума сойти... На машине это расстояние мы за несколько часов покрыли бы, – горестно воскликнула я.

Перспектива ночевать в степи, рядом с решительно настроенным очаровать меня Лелем, не вдохновляла совершенно. С детства не любила всякие походы, не говоря уже о ночевке под открытым небом, где постелью служит тонкое одеяло. Утром точно костей не соберу.

Исподтишка рассматривая своих спутников, я в который раз поразились их схожести. Даже в свете дня, убравшем резкие тени, в лицах братьев все так же присутствовало нечто хищное, пугающее и в то же время притягательное, чарующее. Черты лица Сигрид были гораздо мягче, по-женски округлыми. На щеках, когда она улыбалась, появлялись очаровательные ямочки. Глаза девушки, как я и предполагала, оказались серо-голубыми, как осеннее небо. Рэв смотрел на мир голубыми глазами той яркости, что бывает в погожий летний денек. У Леля, пожалуй, цвет был более насыщенный, васильковый.

Не успела я толком прийти в себя, как ребята начали собираться. Я понимала, что спешить в моих же интересах, и как ни хотелось спокойно посидеть в тенечке еще хотя бы пять минут, кое-как поднялась на трясущиеся ноги и стала помогать Сигрид складывать в сумку несъеденные продукты. Парни скатали одеяла и укрепили их на седлах.

Взглянув на подведенную Лелем кобылу, я с сомнением покосилась на стремя. Заберусь ли я на нее? Лель понял, что самой мне не справиться, и опустился на одно колено.

– Давай, становись на колено, как на ступеньку, – предложил он.

С его помощью я оказалась в седле. Лель подал мне повод и легко вскочил на своего жеребца, серого в яблоках. Я лишь удрученно вздохнула, наблюдая, как ловко мои спутники обращаются с лошадьми.

До конца дня мы останавливались еще несколько раз – пройтись пешком. Ребята прекрасно понимали, что с непривычки я сильно устаю, и давали мне возможность размяться.

Как Сигрид и предсказывала, по дороге нам встретился маленький табун единорогов. Замирая от восторга, я рассматривала белых, тонконогих животных, которых от лошадей отличало лишь наличие тонкого, иглоподобного рога. Единороги, держась рядом, мирно паслись. Наше приближение их скорей насторожило, чем напугало. Они не бросились наутек, а лишь немного отошли и смотрели на нас, низко опустив рогатые головы. На мой вопрос, почему единорогов не пытаются приручить, ребята ответили, что более тупой скотины и придумать нельзя: все попытки терпели поражение. К тому же рог представлял собой не шуточную опасность. В общем, местный люд давно отказался от этой затеи, придя к выводу, что лошади куда более спокойные и умные животные. На вопрос о наличии магических свойств у этих животных, воспетых в книгах моих любимых писателей, все дружно засмеялись. Потом замолчали, засомневавшись в справедливости своего к ним небрежения.

Вечерело. Солнце коснулось румяным бочком горизонта, окрасив степь огненными красками. Легкие облачка казались сахарной ватой на фоне темнеющего неба. Духота усилилась. Монотонность пейзажа, усталость и жара сделали свое дело: понуро опустив голову, я бездумно смотрела в одну точку, каким-то чудом удерживаясь в седле.

– Ксения, – позвал меня Лель. – Потерпи, скоро привал.

Я безучастно посмотрела в его обеспокоенное лицо и кивнула. Привал... Целая ночь отдыха и никакой тряски, наконец-то!

Обещание скорого отдыха немного взбодрило. Я встряхнулась и выпрямилась в седле. Огляделась, гадая, где мои спутники решать остановиться на ночлег. Хорошо бы найти какой-нибудь водоем: отчаянно хотелось окунуться в воду, смыть пыль и избавиться от запаха пота, и своего, и конского. Как будто в ответ на мои мольбы, впереди сверкнула влажным телом река, и я благодарно подняла глаза к небу.

Усталые лошади, почуяв близость воды, ускорили шаг и вынесли нас на пологий, песчаный берег, густо поросший кустарником. Стоянку решили разбить под огромной плакучей ивой, подметающей гибкими ветвями землю. Я кое-как сползла с кобылы, и Лель придержал меня за талию, помогая устоять на одеревеневших ногах. Принял из моих трясущихся от усталости рук повод. Я благодарно ему кивнула и со стоном потянулась: почувствовала я себя паршивей некуда. Рэв и Сигрид, поручив Лелю заботу и о своих лошадях, начали разбивать стоянку.

Я побродила вдоль берега, разминаясь, и, не зная, куда себя деть, вызвалась помочь Сигрид собрать хворост для костра. Рэв занимался сооружением лежака: срезал ножом ветки с ближайшего кустарника и укладывая их пышной периной. Я с сомнением осмотрела эту импровизированную кровать, понимая, что как бы густо и пышно он не укладывал ветки, а спать все равно будет жестко: одеяла едва ли спасут от впивающихся в ребра сучков.

«Блин, завтра проснусь вся в синяках, – чуть не плача от жалости к самой себе, думала я. – Если вообще смогу уснуть».

Когда хлопоты с обустройством ночлега были закончены, солнце уже зашло. На западе осталась лишь тонкая полоска багрового света. словно неведомый художник-великан оставил росчерк огненной акварелью, растушевал багрянец до бледно-розового, добавил голубого, плавно сгустив его до цвета индиго, а сверху разбрызгал золотистые капельки звезд.

– Сигрид, пойдем, ополоснемся в реке, иначе мне запах пота не даст уснуть, – шепотом попросила я.

– Да, идем, – так же шепотом откликнулась девушка. – Я сама не против смыть с себя пыль. Вон там, слева, я заметила хорошее местечко, оно скрыто камышом, так что сможем спокойно поплескаться.

Вооружившись мылом и полотенцами, мы пошли в сторону примеченной Сигрид купальни.

– Девчонки, вы купаться? – окликнул нас Рэв.

– Да, хоть немного смоем с себя пыль, – отозвалась Сигрид.

– Не ходите одни, – оглянулся Лель. – Подождите, сейчас закончу с лошадьми и постерегу.

– Да что нас стеречь, – возмутилась я, – кому мы нужны?

– Лель, в самом деле, ни к чему это, – поддержала меня Сигрид.

Напоровшись на дружный отказ, Лель недовольно сдвинул брови, но спорить не стал.

– Ладно уж, идите... Но если что – сразу зовите на помощь.

– Обязательно! – в один голос пообещали мы и шагнули на тропинку в камышах.

Водичка оказалась прохладной, но после духоты и долгой тряски в седле приятно бодрила. Я разделась, и снова Сигрид, при виде ажурного белья, восхищенно охнула.

– Жаль, Лель тебя не видит, вообще бы голову потерял. Может, все-таки позвать его постеречь нас? – пошутила она, одарив меня лукавой улыбкой.

– Тю на тебя, дурочка, – махнула я на нее рукой и пошла в воду.

Мы с визгом окунулись и поплыли к середине реки. Отплыв подальше от берега, я нырнула, стараясь выполоскать из волос пыль. По опыту я знала: завтра на голове будет жуткая пакля, которую ни одна расческа не возьмет. Но ничего не поделаешь, шампунь здесь не придумали. Зато Сигрид протянула мне пахнущий жасмином брусочек:

– Держи, от этого мыла волосы как шелк.

– Боюсь, моим волосам оно не понравится, – не поверила я.

– Почему это? Я всегда мою волосы этим мылом, и они в восторге, вон какие мягкие. Твои волосы намного короче, и тебе будет легче с ними справиться. Попробуй, – настаивала она.

Решив, что хуже не будет, я вымыла голову предложенным мылом, заранее зная, чего ожидать. Нырнула, смывая обильную пену, попробовала расчесать волосы пятерней, и была приятно удивлена – пальцы легко прошли сквозь волосы, не встретив никакого сопротивления.

– Блин, в самом деле, отличное мыло, – удивленно пробормотала я.

– То-то же! – улыбнулась Сигрид.

– Кстати, Сигрид, все хочу спросить, – начала я и замялась, боясь оскорбить девушку вопросом, который весь день не давал мне покоя.

– Спрашивай, – выполаскивая из волос пену, отозвалась Сигрид.

– Эти ваши Элехнэ и Рэтхе, с ними понятно... А Теурей?. Он кто, тоже бог? – осторожно спросила я.

– Да, Теурей бог, покровитель путников и хозяин дорог, – ответила девушка. – Обычно в ночь перед дорогой путники натирают сапоги пастой из льняного масла, мяты, цветков ромашки и листьев иглицы, а лошадям этой пастой смазывают копыта. При этом просят Теурея о прямой и гладкой дороге...

– И что, помогает? – изумилась я, представив Таша, в угоду божеству смазывающего копыта лошадей. Значит, кто-то и сапоги натирал?

– Не знаю... Никогда об этом не думала, – нахмурилась Сигрид. Вид у нее был крайне озадаченный. – Наверное, помогает, иначе бы так не делали.

«Просто никто не рискует опровергнуть эту чушь, боятся, а вдруг разобиженный боженька мстить начнет?» – насмешливо подумала я, а вслух спросила:

– И сколько у вас богов?

– Много, – хмыкнула Сигрид и принялась их перечислять. – Элехнэ и Рэтхе – близнецы, боги сновидений, Теурей – покровитель путников, Фиритай – владыка подземных недр, бог богатства, Амалайра – богиня огня, покровительница танцев, Анахель – проводник душ умерших, Амайтэ – богиня воды, Эрил – богиня-птица, покровительница музыки и пения, Майали – страж лабиринта кошмаров, Белый Эллон – страж лесов, повелитель зверей...

– Что?! Белый Эллон тоже бог? – ошеломленно уставилась я на девушку.

– Ну, да.

– То есть ваш предок был воином бога?

– Так говорит отец, – пожала плечами Сигрид.

– По-моему, ты ему не веришь, – понимающе улыбнулась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.